

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

Е Ж Е М Ъ С Я Ч Н О Е

И З Д А Н І Е.

Ч А С Т Ъ Ш Е С Т А Я.

І Ю Н Ъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ Медицинской Типографіи.

1821 года.

Печаташь позволено: съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи предспавлены были въ Цензурный Комитетъ *сель* экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. Петербургъ, Іюня 6 дня 1821 года.

Цензоръ Стат. Сов. и Кав. Ив. Тилковскій.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

страниц.

ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

а) ПРОЗА.

Любовный напишокъ. 197.

б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Подражаніе II Саширѣ Буало къ Моль-
еру. 231.

Воспоминанія. 257.

Разлука (*Элегія*). 243.

Владиміру Ивановичу Панаеву. 244.

Отвѣтъ. 245.

II. КРИТИКА.

Разборъ посланія Г. Дмишріева къ Г. Ка-
рамзину. 246.

О сочиненіяхъ Князя Долгорукова . 252.

III. СМѢСЬ.

Краткія Историческія извѣстія объ Ар-
тиллеріи (*окончаніе*). 262.

Имена особъ благоволившихъ подписа-
ть на сей Журналь.

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

ИЗЯЩНАЯ ЛИТТЕРАТУРА.

А) П Р О З А.

ЛЮБОВНЫЙ НАПИТОКЪ.

(Повѣсть Г. Фуке).

Однажды, во времена ранней славы вольнаго города Гамбурга, собрались опличныя дѣвицы и юноши, для невинныхъ увеселеній, въ одинъ изъ множества прекрасныхъ садовъ, зеленѣющихъ предъ стѣнами города. Свѣплый Троицынъ день весело проведенъ въ пѣніи, пляскахъ и музыкѣ; когда же весенній вечеръ спалъ холоднѣе и шуманнѣе, молодые люди сѣли песпрымъ рядомъ, вкругъ стола, подъ стѣною большой бесѣдки. Буылки съ рейнвейномъ, красиво-опоченные хруспали, пирожное, различныя лакомства въ блестящихъ корзинкахъ — бы-

ли распавлены предъ радостными гостями; тихій, пріятный разговоръ перелешалъ ошь сосѣда къ сосѣду.

Одна прелестная дѣвушка сказала сидящему за столомъ юношѣ:

„Не съ вами ли, Гисмундъ, книжка стиховъ, о которой вы говорили въ послѣдній разъ? Мы всѣ любопытствуемъ услышать изъ нее какую-нибудь исторію, и мнѣ кажется, теперь для эшаго самый удобный случай. Пляски насъ упомили, и мы сполько наговорились, въ продолженіи всего веселаго дня, что теперь можемъ слушать спокойно, тихо и внимательно.“

Всѣ хвалили предложеніе милой Флореншины. Пославили двѣ большія восковыя свѣчи передъ Гисмундомъ, который вынулъ красиво-написанную пергаменпную книжку и, съ поникнувшими глазами, тихимъ голосомъ началъ чпеніе,

Онъ читалъ Исторію Триспана и Изольды. По мѣрѣ того, какъ онъ далѣе и далѣе прочитывалъ пріятные стихи, въ глазахъ его сверкалъ болѣе и болѣе лучъ мужества, голосъ возвышался и быстро лился въ мелодическихъ перекапахъ. Иногда онъ взгля-

дываль на Флореншину, копорая — наклонившись вперед и сложа на столѣ нѣжныя ручки — слушала съ великимъ вниманіемъ. Изрѣдка прерываль его тихій сапирическій смѣхъ, прелетавшій по устамаъ прелестныхъ дѣвушекъ. Когда же сей насмѣшливый восторгъ обнаружился въ шомъ мѣспѣ, гдѣ Триспанъ и Изольда, посредствомъ любовнаго напишка, пропивъ воли своей, были соединены неразлучною любовію, то онъ чипаль съ принужденіемъ до слѣдующей главы; попомъ закрыль книжку, замѣпивъ, что спановишся очень поздно и надобно подумать о возвращеніи въ городъ.

Въ кругу молодыхъ собесѣдниковъ начался живой разговоръ о прочтенной Исторіи; особенно всякой разсуждалъ по своему о любовномъ напишкѣ и его чудесной силѣ.

Знаете ли, Гисмундъ, сказала наконецъ Флореншина улыбаясь, я желала бы найпикого нибудь, могущаго приготоовишь такой напишокъ! — Съ самаго младенческава мы назначены другъ для друга взаимнымъ согласіемъ нашихъ родителей — и одинъ объ другомъ не думаемъ. Напишокъ освободиль бы

опшъ всякаго безпокойства и родителей и насъ.“

Другія дѣвушки покраснѣлись и молчали, думая, что Флореншина въ веселомъ расположеніи сказала лишнее; но Гисмундъ, до сего времени задумчиво смопрѣвшій внизъ, засмѣялся и опвѣчалъ:

„Если вамъ угодно, прелестная Флореншина, то я приготоваю эптошъ напипокъ. Счастливымъ случаемъ я научился сему шайному искусству.“

„Нехвалишесь! возразила Флореншина; а испытайте свое счастье. Только я говорю вамъ напередъ, что если напипокъ не будетъ имѣть примѣшнаго дѣйствія на васъ, то и надо мной равномѣрно долженъ быть безсиленъ. Вы цѣлый день ни разу со мной не танцовали, даже не взглянули на меня. Теперь оспаешся намъ быть вмѣстѣ шолько полчаса — проведемъ эпто время какъ обрученные!“

„Еще предостерегаю васъ, сказала Гисмундъ шушя. Вы знаете, что завтра я оппрашляюсь на корабль. Если вы шогда шолько почувствуете въ сердцѣ дѣйствіе любовнаго

напипка, скажише, что будешь съ вами, несчастная, прелестная дѣвица?“

Флоренпина думала, что онъ хочетъ искусно увернуться опъ безразсуднаго обѣщанія; но онъ взялъ со стола прозрачный сосудъ, налилъ въ него до половины вина и и вышелъ изъ бесѣдки. Можно было видѣшь, какъ онъ ходилъ взадъ и впередъ по освѣщенной луною аллеѣ, по поднималъ къ небу руки и сосудъ, по наклонялся и тихо говорилъ; всѣ забавлялись эпою игрою, удивляясь важности, съ какою Гисмундъ представлялъ свою шушку.

Ахъ, въ душѣ бѣднаго Гисмунда происходило то, что часто случается со многими чувствительными людьми. Между тѣмъ какъ всѣ смѣялись надъ его игрою, сердце юноши перзалось горестію и когда онъ нѣсколько удалялся, по слезы текли изъ глазъ его. — Нѣсколько лѣтъ любилъ онъ Флоренпину; но упорство, съ какимъ рѣзвая дѣвушка опказывалась опъ союза, желаемаго ея родителями, возбудило его юношескую гордость; онъ чрезвычайно принуждалъ себя, чпобъ не показаться спраждушимъ, опвергнушимъ любовникомъ; и шакъ,

всѣ думали, что онъ чувствуетъ споль же мало склонности къ Флоренцинѣ, какъ и она къ нему. Но не могли долго сносить сей безнадежной борьбы съ самимъ собою, Гисмундъ убѣдительно просилъ своихъ родителей, позволишь ему торговое путешествіе въ Мессину, представляя, что толки о его бракосочетаніи сдѣлали опщизну для него безрадостною.

Теперь пришла ему на мысль чудесная штука пошому, что онъ не въ состояніи былъ помочь себѣ иначе. Долго прохаживался онъ въ сильномъ волненіи и горько плакалъ; по временамъ прижималъ сосудъ къ своему біющемуся сердцу и говорилъ вздыхая:

„Ахъ, если бы въ шебѣ напитокъ былъ любви! Ахъ, если бы онъ могъ пролить и жаръ въ крови, И сладоспращный ядъ, и сладкое перзанье — Мое—и въ жизни сей, и въ гробѣ—доспомяне!“

Наконецъ онъ сполько укрѣпился, что могъ возвратиться въ бесѣдку; осушилъ свои слезы и сказалъ съ улыбкою на устахъ:

„Теперь, милая Флоренцина, если имѣете сполько твердости, по выпейте, для моего удовольствія, этошь сосудъ.“

Прелестная дѣвушка бросила на него удивленный взоръ; однакоже скоро ея безпечное веселіе опять возвратилось, она исполнила желаніе юноши, который выпилъ оспашокъ вина, и въ сладкомъ, умышленномъ воспоргѣ еще представлялъ счастливаго любовника. Флорентина отвѣчала на его ласки невинными шутками любимой невѣсты; прелестную чепу шушя посадили на первое мѣсто за столомъ и увѣнчали розами и виноградными листьями.

Скоро пролетѣло полчаса — съ нимъ умчалось и счастье Гисмунда; пошли въ обратный путь, Флорентина хотѣла сорвать вѣнокъ съ своихъ бѣлокурыхъ волосъ, но юноши увѣряли, что игра еще не кончается, что женихъ долженъ проводить невѣсту до ея жилища, и какъ теперь примѣрно было въ обоихъ довольство счастливой любви, то имъ необходимо должно предаться сладостной шуткѣ о разлукѣ въ слѣдующій день. Флорентина согласилась; Гисмундъ подаль ей руку, и всѣ парами вступили въ обратную дорогу, побуждая сколько возможно къ игрѣ соединенную чепу, чтобы не поперячь ни одной минушкѣ

веселаго вечера. Нѣкошорые изъ нихъ шли съ ципрами, прогали чувствительность припными звуками и пѣли:

„Какъ сердце бѣдное болить,
 Какъ радость далеко бѣжить,
 Когда въ разлукѣ я съ любезной!...
 Тогда опрадой жизни слезной
 И звуки ципръ и пѣсней гласъ: —
 Друзья, развеселите насъ!...
 И звучно струны загремѣли,
 И громко пѣсни возшумѣли,
 И сладость въ душу полилась... . . .
 Чтось сердца утѣлитъ спраданье —
 Люби веселье, ликованье!... . .

Туманъ поднялся опъ Альспера; шемная весенняя ночь спановилась мрачнѣе и мрачнѣе; пѣни высокихъ деревъ, распущихъ при дорогѣ, сокрыли все опъ глазъ; Гисмундъ могъ позволить безпрепятственно печь своимъ слезамъ, и помность его голоса привлекала еще язвительныя шупки. Такимъ образомъ прибыли въ городъ и къ дому Флоренпины, гдѣ рѣзвая дѣвушка показала припворную важность, улыбаясь пожелала юношѣ счастливаго пупешествія на другой день, и скрылась — эшо, какъ

острый кинжалъ, пронзило кипящее сердце Гисмунда. Съ великимъ усилиемъ могъ онъ, еще смѣясь; скоро распрощался съ прочимъ собраніемъ и поспѣшилъ домой, гдѣ въ мирномъ кабинетѣ своемъ проплакалъ горько цѣлую ночь.

Въ слѣдующій день опецъ его не хотѣлъ болѣе слышать о прежде-обѣщанномъ путешествіи. „Почему, говорилъ онъ, чѣмъ швоя *причина* уничтожилась. Родители Флоренпины вчера въ полдень — когда молодые люди забавлялись въ саду — дали слово соединить ее съ сыномъ богатого опкупщика Цалегупа; изъ Франкфурта на Майнъ, и я сколько разсерженъ этимъ непосоянспивомъ, чѣмъ если бы теперь и сама она и вся ея родня на колѣняхъ просили у меня швоей руки — я сказалъ бы *нѣтъ*; и даже, если бы шцы, мой единственныи сынъ, умолялъ меня объ этомъ: я сказалъ бы *нѣтъ*. Забуди всю эту испорцію, останься на родинѣ и честными дѣлами доставай себѣ хлѣбъ.“

Можно вѣобразить, чѣмъ при сихъ словахъ происходило въ Гисмундовомъ сердцѣ. Вчера еще — во время пріятной игры —

онъ былъ пакъ близокъ къ своей любезной; а теперь океанъ новыхъ, непреоборимыхъ гореспей разлуки между имъ и ею. Неужели все должно для него погибнуть, неужели и образъ милой изгнать изъ сердца, предсавляя себѣ Флорентину Г-жею Цалегуть! Но какъ ни сильно былъ впечатлѣнъ въ его груди незабвенный образъ, онъ имѣлъ однакожъ мужество скрыть свою скорбь и оповѣщать опца съ наружнымъ спокойствіемъ, что весь городъ знаетъ уже о предпріятомъ путешествіи, что Флорентина и его собственное имя могутъ поспрадать ошъ сего отмѣненія, и вообще: прилично ли мужчинѣ оплагать для дѣвушки столь благоразумно обдуманную поѣзду въ Мессину? — Последний доводъ смягчилъ опца и заставилъ его согласиться. Мать опивустила юношу очень охотно, думая, что его сердце — до сей минушы закрытое для любви — можетъ быть въ чужихъ земляхъ будетъ похищено прекрасною, добродѣтельной дѣвицею. — и съ давняго времени страстно желаемая невѣстка скоро пересупитъ порогъ ея дома. Она была увѣрена, что хорошо воспитанный,

цѣломудреннѣй Гисмундъ не сдѣлаешь дурнаго выбора.

Для эшаго она уговорила опца, распроганнаго прощаніемъ, дашь ей шоржеспивенно честное слово въ шомъ, что онъ долженъ съ радостію признашь любезною дочерью невѣсту, которую Гисмундъ предспавишь, по своемъ возвращеніи, какъ избранную его сердцемъ.

Ахъ! Гисмундъ не думаль ни о брачномъ вѣнцѣ и пламенникѣ, ни о счастливой любви! Тихо вѣхаль онъ, сопущспвуемый однѣми шайными слезами, послѣ полудня удаляльсь опть милой родины и опть сладчайшихъ надеждъ, въ спраны чуждыя! —

Повѣспъ началась веселымъ пиршесспвомъ; она написана часпю для шого, чтообы научишь преждевременно приготошляшь шушки для перенесенія неудовольспвій жизни, и наслаждашьсь весь свой вѣкъ цвѣшущими Майскими карпинами. Я осмѣливаюсь пропуспишь описаніе, какимъ образомъ Гисмундъ переносиль глубокую го-

решь во все свое пушешествіе. Оспавляя говорись о бѣдспвіяхъ людей, мы—освѣщенные яснымъ лѣшнимъ упромъ — съ веселіемъ оспанавливаемся недалеко опъ Мессины.

Гисмундъ, слѣдуя приказаніямъ своего опца, бросаль якорь во время своего пуши при многихъ прелесныхъ берегахъ и проживаль дни и недѣли въ цвѣщущихъ мызахъ или въ роскошныхъ, великолѣпныхъ городахъ. Но ни богатство Фландриі, ни красивый берегъ прежней Франціи, ни даже очаровательныя оливковыя роши Прованса не доставили его удивленнымъ чувспвамъ такога сладкаго удовольствія, какъ берега Сициліи повсюду процвѣщающіе подъ чистымъ лазоревымъ небомъ, смопрясъ въ свѣплое синее море.

Нѣскольго мальчиковъ, съ проспниковыми вѣнками на кудрявыхъ головахъ, купались въ прозрачной водѣ и казались юными божеспвами моря, воспѣшными Греческими и Римскими спикопворцами.

Съ радосными кликами плыли они къ берегу, одѣвались въ легкія плашья и съ любопытствомъ смопрѣли на приближающійся корабль.

Скоро узнали, что они были или дѣшн или племянники богатыхъ купцовъ

копорымъ Гисмундъ былъ поручень опъ своего опца. Они пошчасъ повели его, съ непринужденною учпивостію, въ близлежащее предмѣспіе: памъ, прохлаждаемый близкимъ моремъ и пѣнію густыхъ померанцевыхъ рощей, проводилъ большую часпъ лѣта знаменипый купецъ Синьоръ Альбершупци.

Пѣніе и звуки арфъ встрѣпили ихъ; по временамъ раздавались пріятные голоса роговъ и флейпъ; въ аллеяхъ цвѣшущихъ садовъ прогуливались нарядные мужчины и женщины. Синьоръ Альбершупци, окруженный премя дочерьми чудесной красопы, дружелюбно привѣспивовалъ гостя и просилъ его веселипся у нихъ чѣмъ дольше, тѣмъ лучше. Гисмундъ, съ младенчеспва привыпшій къ шонкому обхождению и хорошо знавшій язпкп южныхъ странъ, былъ весьма свободень въ новомъ общеспвѣ. Скоро, игрою на люпнѣ, пріятными пѣснями и повѣспями, пріобрѣлъ онъ опъ всѣхъ женщинъ, бывшихъ на пиршеспвѣ, названіе веселаго собесѣдника. Въ прохладѣ ночи, подъ сводомъ неба усѣяннаго звѣздами, начались пляски — и Гисмундъ поддерживалъ свое

достоинство при общихъ ободреніяхъ. Однакожь онъ не могъ сравниться съ Испальянцами въ прудныхъ, искусныхъ прыжкахъ, равно какъ и въ панпоминахъ, въ копорыхъ весь жаръ, все упоеніе любви, и скорбь ея раздора и блаженство примиренія выражались нѣмымъ языкомъ. Но онъ превосходилъ всѣхъ благородною, величественною осанкою, и наконецъ кружась въ любимомъ Нѣмецкомъ вальсѣ—перенесенномъ сюда предшествующими путешественниками — Гисмундъ одержалъ побѣду. Иноспранцы, желая подражать этому танцу, свойственному однимъ Нѣмцамъ, имѣли неудачу. Они, или обезображивали его дикими бакханскими порывами, или неловко вертѣлись, описывая угловатые круги. Пусть Германецъ, съ своимъ благочиніемъ, всегда почтительный, всегда благоговѣющій предъ своею дамой, съ твердой увѣренностію и пріятной легкостію вершился въ единообразныхъ, но удивительныхъ кругахъ; — пусть онъ покажется между искуснѣйшими танцовальными героями Испалии, и тогда мы увидимъ, копорому народу принадлежитъ слава пря-

мага нѣжнаго рыцарства и невинной услужливости женщинамъ.

Когда Гисмундъ вальсировалъ съ младшею и прекраснѣйшею дочерью хозяина, то взоры всѣхъ зрителей слѣдовали за милою парюю. Гордое чувство собственнаго достоинства, тихое ощущение рождающейся любви, сливаясь со звуками роговъ, проникали въ пылающую грудь юноши. Внезапно все пришло въ движеніе въ залѣ, вдали раздались звуки мепаллическихъ пазовъ и другихъ Турецкихъ инструментовъ; дѣвица съ легкимъ поклономъ оставила Гисмундову руку; все собраніе устремило взоры въ распворенную дверь, предъ копорою Синьоръ Альбершутци, съ непокрытою головою, казалось ожидалъ непредвидѣннаго посѣщенія знаменитой особы.

На вопросъ Гисмунда опвѣчали, что неизвѣстная иностранная купчиха, за нѣсколько мѣсяцевъ поселившаяся въ сосѣдствѣ, приказала возвѣстить о своемъ посѣщеніи, копорое было опличіемъ, оказываемымъ иногда дому Синьора Альбершутци. Она почитается здѣсь воспочною княгинею, бѣжавшею по неизвѣстной никому причинѣ.

Сначала жила она весьма просто, почти бѣдно; но скоро, посредствомъ удивительнаго, неслыханнаго здѣсь искусства пряденія и шканья, приобрѣла она великое богатство, такъ что теперь проживаетъ весьма значительное количество денегъ. Ее почитаютъ чрезвычайною красавицею, однако же ни кто не можетъ похвалиться, что видѣлъ ее лице безъ покрывала.

Приблизились нѣсколько Мавровъ, гремящихъ на Турецкихъ инструментахъ, коихъ торжественные и вмѣстѣ прогашельные звуки слышались прежде. За ними слѣдовала спройная женщина въ покрывалѣ; она благосклонно привѣтствовала хозяина и его дочерей, заняла мѣсто на мягкихъ подушкахъ въ удаленномъ концѣ зала и знакомъ позволила снова начать прерванный панецъ.

Но Гисмундъ поперялъ на эпошъ вечеръ всю охоту къ панцованью. Какое-то горячее любопытство, какое-то неизяснимое желаніе привлекало его къ незнакомкѣ, которой движенія и благосклонные знаки (онъ не слыхалъ еще ошъ нее ни одного слова) казались ему споль пріятными, что онъ съ

великимъ усиленъ могъ возврашнть въ свое болъзненное сердце милый образъ Флоренпины.

Между шѣмъ Альбершущи предложилъ незнакомкѣ опборнѣйшихъ прохладительныхъ закусокъ. „Синьоръ, она сказала на нѣсколь-ко испорченномъ Ипаліянскомъ языкѣ, не почипайше лакомствомъ, когда я всыпаю въ вино пряныя коренья моей родины. Жи-пелямъ сей спраны можешъ бышь не по-правится это смѣшеніе; но я привыкла къ нему съ раннихъ дней моей юности.

Хозяинъ почипательно поклонился; два Мавра взяли сосудъ и изъ золошаго ларчи-ка, украшеннаго рѣдкими магическими изо-браженіями, насыпали пряности въ вино. Они дѣлали это съ удивительною важно-стію и казалось шепшали таинственныя слова.

Когда незнакомка взяла сосудъ, по Гис-мундъ не опшвращалъ опъ нее взоровъ, на-дѣясь увидѣшь черпы ея лица. Однакожь она пила споль осторожно, что не оп-крыла ни малѣйшей часпи прелестей, ко-порыя Гисмундъ споль спраспно желалъ увидѣшь. Она примѣшила вниманіе юноши,

и казалось изъясняла его совсѣмъ иначе. „Молодой человекъ, имѣете ли вы сполько любопытства и мужества, чшобъ вкусить сей напитокъ?“ сказала она, подавая ему полною снѣжно-бѣлою рукою сосудъ, налишый до половины. Въ ея вопросѣ примѣпно было сполько же нерѣшительности, сколько повелѣвающей, почти угрожающей важности, и Гисмундъ, не успѣвъ еще подумать, что должно дѣлать, преклонившись взялъ сосудъ и осушилъ его.

„Смогите, чшобъ она не дала ему любовнаго напитка!“ шептали двѣ старыя женщины недалеко отъ Гисмунда, между пѣмъ какъ жаръ отъ рѣдкаго вина пропекалъ по его жиламъ, подобно сладострасшной помноти.

Таинственная женщина скоро пошомъ исчезла, сказавъ шихо мимоходомъ Гисмунду: „Знаю, что въ непродолжительномъ времени вы пожелаете меня пошить: я позволяю.“

Эпопъ поступокъ, соединенный съ непонятными словами старыхъ женщинъ и съ неизъяснимымъ жаромъ вина изъ сосуда, возжигалъ болѣе и болѣе въ Гисмундовой душѣ страшное подозрѣнiе. Что онъ сдѣлалъ съ Флорентиною въ прiятной, восхищительной шушкѣ, то теперь случилось съ нимъ въ опасной дѣйствительности; безъ сомнѣнiя, разгорячался, кипѣлъ въ его сердцѣ любовный напитокъ, имъ овладѣвшiй. Онъ проспился съ веселымъ обществомъ, извиняясь усталостiю отъ путешествiя, и скрылся, подобно уязвленному дикому, въ уединенiе подъ свой смиренный кровъ.

Тамъ старался онъ, съ нѣкоторою боязнiю, призвать себѣ на память ясной, живой образъ Флорентины; но сія самая боязнь, сіе намѣренiе было виною, что онъ не имѣлъ успѣха. Темнѣе и шемнѣе, въ шуманномъ мерцанiи, представлялось ему драгоценное изображенiе и наконецъ такъ покрылось мракомъ, что онъ исполнился ужасной мысли, не могли болѣе вспомнить, какого цвѣта были ея волосы, и глаза ея были ли чистые голубые, или съ легкими коричневыми оппѣнками! Упомленный, наконецъ

предъ упромъ погрузился онъ въ безпокойную дремошу.

Проснувшись въ полдень, онъ переговорилъ съ Альбершупци о торговыхъ дѣлахъ, для которыхъ отецъ послалъ его въ Мессину — и здѣсь — чудное происшествіе! — встрѣпилась съ нимъ незнакомка. Драгоцѣнныя Сицилійскія матеріи покупались прежде несовершенными, но искусствомъ Германскихъ женщинъ въ шканьѣ и пряденіи возвысились почти до невѣроятной дороговизны, почему Гисмундъ долженъ былъ употребить на покупку неслыханную сумму. Иностранная купчиха подорвала всю торговлю лучшею плашою и учрежденіемъ на Сицилійской землѣ собственнаго заведенія для шканья. „И это вѣроятно навсегда, присовокупилъ Альбершупци, благородная Срациньянка такъ научила своему искусству нашихъ дѣвиць, что если она и оставитъ Сицилію, то намъ не нужна уже будетъ Германская работа, что бы привести дарованное намъ Богомъ въ благоденственное состояніе.“

Гисмундъ споялъ задумавшись. Давно уже спрашались подобнаго зла опъ славнаго

искусства Срацинскихъ женъ, но неужели восточная Принцесса прибыла сюда для особеннаго несчастія. —

„Имѣй первѣніе, мой юный другъ, говорилъ Альбершуцци. Сдѣланное не перемѣнишь. Однако же ты можешь приобрести значительную выгоду, заключивъ торгъ съ купчихою восточныхъ спранъ. Только поспѣши, и постарайся быть допущенъ самъ лично въ ея жилище.“

„И такъ, непременно должно итти къ опасной красавицѣ Востока!“ сказала Гисмундъ, скрывая вздохъ — и отправился въ пущь.

Онъ думалъ, что пришелъ въ волшебные сады или на Венеринъ холмъ, копорый древнія преданія и пѣсни описываютъ изобилующимъ упоеніемъ чувствъ и очаровательнымъ сладоспастіемъ. Какъ онъ удивился, когда сѣрый приврапникъ привелъ его въ обширный залъ, гдѣ множество хорошо одѣтыхъ дѣвицъ сидѣли за работою съ такою важностію, тишиною и благоприспоспійностію, какъ

въ монастырѣ. Онѣ едва взглянули съ бѣглымъ привѣтспвіемъ взора на вошедшаго юношу, совершенно прошивно обыкновенной свободѣ Испальянскихъ нравовъ. Только блестящее, единообразное, пышное великолѣпіе со всѣхъ сторонъ, напоминало, что находишься въ домѣ богатой купчихи. Гисмундъ ожидалъ, что его позовуть къ ней; однако же обманулся. Старый Мессинскій купецъ, въ видѣ надзирашеля надъ симъ заведеніемъ, выступилъ, повель чужестранца съ важною учпивостію въ особенную комнату, и тамъ переговорилъ съ нимъ хладнокровно и основашельно о предпріятомъ дѣлѣ. Согласились прежде, нежели Гисмундъ думалъ. Старикъ оказалъ, опъ имени своей госпожи, всю возможную госпепрїимную щедрость, не перья однако изъ виду собспвенныхъ выгодъ, попому что на эпомъ основывался будущій — хопя не могущій доставить чрезмѣрныхъ барышей, но выгодный союзъ Нѣмецкихъ шорговыхъ людей съ Сицилійскими — и сей союзъ своею умѣренностію получилъ надежнѣйшую швердосшь. Гисмундъ, какъ честный Нѣмецъ, старался о предметѣ, назначенномъ ему не-

бомъ и собственною склонностію, съ такою ревностію, что во время сего упражненія никакое безпокойное чувство не нарушало его прудовъ. Онъ почти совершенно забылъ, въ какомъ опасномъ, за минушу желаемомъ сосѣдствѣ, онъ находился.—Какъ скоро торговый договоръ кончился и былъ подписанъ съ обѣихъ споронъ — Гисмундъ спросилъ, покажется ли сама госпожа; спарикъ опвѣчалъ, что его собственное имя занимаетъ мѣсто ея и что Синьоръ Альбертуцци охотно поручится въ случаѣ необходимости. При семъ опять проникло Гисмундову душу сладостное, спрастное желаніе; онъ не могъ уже искренно радоваться, что спрастное посѣщеніе прошло безъ малѣйшей опасности. Спарикъ разстался съ нимъ съ полною купеческою учтивостію — и Гисмундъ въ задумчивости возвращался по полевой аллеѣ благоухающаго сада, освѣженнаго вечеромъ.

Вдругъ въ споронѣ, у входа ближней бесѣдки, мелькнулъ кто-то въ бѣломъ покрывалѣ. Юноша сначала не повѣрилъ волшебному образу, проникнувшему и душу его и тѣло: эшо была чужестранка, скрывающая

свои опасныя прелести. Онъ остановился, какъ очарованный. Она приблизилась къ нему съ полною дружескою довѣренностію, опослала сопровождавшихъ ее женщинъ и сказала:

„Я слышала объ васъ, Синьоръ Гисмундо, какъ о великомъ волшебникѣ; именно, вы особливо упражняетесь въ самомъ трудномъ, въ самомъ опасномъ искусствѣ — въ искусствѣ соспавлять любовный напитокъ. Въ городѣ Гамбургѣ, вашемъ опечестивѣ, есть этому примѣръ, который нынѣ пропивъ васъ возбудилъ всю спрану и еще другой обширный торговый городъ—Франкфуртъ на Майнѣ. Правда ли, что ваше ложное торговое путешествіе есть бѣгство отъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ? Также имѣете ли какое нибудь основаніе то, что Франкфуртскій купецъ Пешръ Цалегушъ, по какому-то особенному гнѣву, покушается на вашу жизнь? — Говоряще это произошло за какую-то Флорентину?“ —

Гисмундъ не могъ отвѣчать. Онъ стоялъ въ удивленіи, въ какомъ мы бываемъ иногда слыша гораздо меньшія чудеса, часто случающіяся въ нашей жизни.

„Вы знаете, продолжала незнакомка, знаете что я приобрѣла нѣкоторое уваженіе въ сей странѣ и можете быть на всемъ оспровѣ Сициліи. И такъ, лучше сдѣлаете, если на мои вопросы будете отвѣчать честно и прямо. — Умѣете ли вы соспавлять любовный напитокъ? — Да или нѣтъ!“

Ея повелительный тонъ привелъ почпи въ гнѣвъ юношу.

Кто, вскричалъ онъ, кто осмѣливается меня такъ спрашивать? И не могу ли я плапшь подобными вопросами? Скажите прежде вы, умѣете ли пригошвлять любовный напитокъ? и во первыхъ, скажите, какой напитокъ принудили вы меня выпить вчера ввечеру?“

Чужеспранка казалась нѣсколько испрашенною; опъ ея пихаго препеня и Гисмундъ содрогался, чувствуя новое доказательство влекущей его къ ней пайной симпатіи.

„Вы слишкомъ горячи, сказала наконецъ она; еще однажды васъ спрашиваю: знаете ли вы средство пропиводрѣйствующее любовному напитку?“

„Ахъ, нѣтъ! къ несчастію нѣтъ!“ отвѣчала Гисмундъ со вздохомъ, закрывая руками свое воспламененное лице.

Неизвѣстная почти смѣялась подъ своимъ покрываломъ; но скоро опять съ важностію подняла голову и сказала:

„Явись завтра въ эпопъ же часъ въ помъ павильонѣ. Тамъ будешь васъ спрашивать далѣе, можете быть также и отвѣчать на ваши вопросы, если эпо будетъ достойно труда. Подите! теперь ни одного отвѣта. Я знаю, что вы можете и должны прийти.“

Поклонившись небрежно, она пошла къ своимъ женщинамъ и скрылась. Напропивъ, бѣдный юноша удалялся весьма печаленъ; ему споль же было горько, какъ привязанной на нипочку пшичкѣ, копорой дають пролетѣть малое пространство, чтобы съ большею суровостію прищипнуть ее назадъ въ клепку.

Рѣшительный вечерній часъ насталъ. Поелъ тщеной борьбы, еще въ началѣ которой печальный борець увѣрился въ сво-

емь безсиліи, шель Гисмундъ колеблющима-ся, поспѣшными шагами къ жилищу чародѣйки. Назначенный павильонъ блиспалъ бѣлизною и свѣпомъ, слабо освѣщенный послѣднимъ мерцаніемъ вечернихъ лучей, пробивающихся сквозь мрачные своды мирпъ. Съ воспаленнымъ, примѣшно біющимъ сердцемъ тихо, тихо отворялъ Гисмундъ припворенную дверь.

Тамъ вспрѣшилъ его вчерашній надзиратель, съ учпивымъ поклономъ, показаль на большой столъ, покрышый счешными книгами и бумагами, и сказалъ: „Здѣсь найдете нѣкопорья свѣдѣнія въ разсужденіи Франкфуршскаго купца Пепра Цалегупа, о которомъ вчера изволили вы говоришь съ моею госпожею. Мы не пропивимся принятію его въ нашъ кругъ, если вы эшаго желаете. Домъ его самъ собою находишь въ хорошемъ сосшолніи и споишь дѣйспвительно его имени, которое на Ипальянскомъ языкѣ значишь Родавнопо.“

Гисмундъ не могъ еще опомнишься, какъ спарикъ съ увлекающею ловкостію посадиль его на спояціе вдали креслы, самъ сѣлъ пропивъ него, объясняль со всеми

обстоятельствами, со всеми подробностями извѣстія о состояніи Пепра Цалегута, предлагая неопровергаемыя доказательства. Свѣтъ быстро кружился въ глазахъ бѣднаго юноши. Онъ не зналъ, грезилъ ли онъ вчера ввечеру или грезитъ теперь, или можешь быть наступилъ тотъ часъ, въ который волшебство повергаетъ его въ ужасное, всегда переменное безуміе.

Наконецъ надзирашеть кончиль. Онъ позвонилъ, чтобы подали свѣчи — глубокая тьма вездѣ уже распространилась, — и когда поставили на столъ двѣ большія восковыя свѣчи, онъ оставилъ почтеннаго друга по поргамъ, еще обдумавъ въ тишинѣ свое дѣло, пересмотрѣвъ докуменшы и послѣ объявить свое рѣшеніе.

До эпои минушы Гисмундъ не бросилъ ни одного взора на окружающіе его предметы. Но когда онъ сморгнулъ на удаляющагося спарика, по дверь, въ которую сей послѣдній ушелъ, показалась ему принадлежашкою къ дому его опца; съ удивленіемъ разсматривалъ онъ стѣны и болѣе и болѣе увѣрялся въ томъ, что онъ дѣйствительно сидѣлъ въ Гамбургскомъ кабинетѣ, ка-

кіе бывали у всѣхъ Ганзейскихъ купцовъ прежнихъ временъ.

За стѣною шумѣли кедры, мирпы шептали, и опть ближняго морскаго берега несся голосъ Италіянской пѣсни, розыгрываемой на мандолинахъ и гитаррахъ — Гисмундъ увѣрился совершенно въ страшной волшебной силѣ хозяйки дома.

„Теперь, сказалъ онъ со вздохомъ, если надъ письменнымъ столомъ опворится окно, сдѣланное во внупренности дома, и въ него покажешся или машушка, или Флоренпина, или другой знакомый, драгоценный образъ, и спросишь меня, что я дѣлаю....“

Окно дѣйствительно скрипнуло, выглянула Флоренпина почно пакая, какою онъ видѣлъ ее вечеромъ во время своей игры; она спросила съ горькою улыбкою: „Что дѣлаешь ты здѣсь? Ахъ, Гисмундъ, Гисмундъ, что ты здѣсь дѣлаешь? Давъ мнѣ любовный напишокъ, зачѣмъ ты на другой же день уѣхалъ *сюда* въ Сицилію, и не оспался *здѣсь*, у насъ въ Гамбургѣ?“

„Ахъ, милая, милая Флоренпина, эшо совсемъ не любовный напишокъ, почно нѣтъ!— И такъ, ты въ Гамбургѣ, а я въ Сициліи?“

что значить швое *сюда и здѣсь?* что значить—?”

Сии слова Гисмундъ едва могъ произнести запинаясь. Все кружилось передъ нимъ, и онъ безъ силъ упалъ въ креслы.

Пробудившись, онъ увидѣлъ себя окруженнаго многими людьми, которые спарались припираньями и драгоценными порошками привести его въ чувство; надзирашеть былъ шупъ же со многими женщинами, копорыя вчера сидѣли въ обширномъ залѣ. Обозрѣвъ все предметы, онъ вдругъ увидѣлъ Флореншину, споящую на колънахъ у его ногъ. Блѣдная, со слезами на глазахъ она смопрѣла на него и въ спрахѣ сложивъ руки, возсылала къ небу искреннiя молитвы. „Слава Богу, сказала она вздохнувъ изъ глубины души, Слава Богу онъ живъ!“ знакомъ велѣла всѣмъ удалиться. Она сѣла передъ нимъ въ кресла, и поднявъ съ прiятностiю руку, шерла ему виски, болѣе и болѣе краснѣющiе.

„Флореншина, сказалъ изумленный Гисмундъ, милая Флореншина, здѣсь все еще

Гамбургскій кабинетъ. Дома мы, или въ Сициліи?“

„Успокойся, мой другъ, успокойся, и выпей эпопъ спаканъ Аликантскаго вина. Посмотри пещерь, мы въ Сициліи, но скоро, съ Божіею помощію, радостно перенесемся на милую родину.“

— Ахъ, Флореншина, не новое ли эпо заблужденіе моего ума? —

„Гисмундъ, любезный Гисмундъ, я не обманываю.“

— Ты не знаешь еще, милая: хозяйка эпаго дома очаровала меня спрашнымъ напитокомъ. —

„Точно такъ же, мой другъ, какъ ты очаровала меня въ саду передъ Гамбургомъ.“

— О, и себя обманула она, бѣдная Флореншина! —

„Пусть такъ, но вѣрно безъ намѣренія; взгляни: эпа опасная хозяйка — сама я. — Будь спокоенъ, выслушай меня терпѣливо, и между тѣмъ не дай испариться Аликантскому вину.“

Наливъ вина, она продолжала слѣдующимъ образомъ:

„Что я чувствовала во время игры, о томъ позволю мнѣ умолчать. Тебѣ было больно — и я сержусь на эпо. Гисмундъ, я въ самомъ дѣлѣ думала, что ты далъ мнѣ любовный напишокъ — и всѣ пропывоборствія были щещины. Я послѣдовала за побою изъ опцовскаго дома — въ копоромъ принуждали меня къ браку съ Пешромъ Цалегупомъ — и переодѣвшись прибыла сюда. Не нашедши тебя, я почипала эпо несчастіемъ; напрошивъ въ томъ соспоало мое блаженство. Нужда доставивъ себѣ пристойное содержаніе, опвлекала меня нѣкопорымъ образомъ опъ любимой мысли; я спала спокойнѣе, свободнѣе, и сверхъ того, менѣе нежели чрезъ два мѣсяца, нашла себя въ блестящемъ соспоалніи, въ копоромъ шеперь ты меня видишь. Но все безпокоиль меня спрахъ, что я очарована любовнымъ напишкомъ, и приходя въ чувство, я заклинала себя — чтобы изъ того ни было — не показывать болѣе тебѣ своего лица, прожипъ свой вѣкъ въ монастырѣ, хопя бы эпо нанесло мнѣ погипбель. А шеперь — все такъ хорошо, такъ мило! — только я безсмысленная, хотѣла тебя не много ис-

пугать изъ благодарности за всѣ скорби, въ кошорыя меня повергла безразсудная игра швоя. Ахъ, шупъ приключился шебъ обмо- рокъ, напугавшій меня болѣе всего; что слу- чилось со мною съ вечера въ саду. Ты не сердись на меня, Гисмундъ?“ —

О чиешая, ющая любовь, какимъ слад- кимъ примиреніемъ связала шы обоихъ лю- бовниковъ! —

Флореншина, при свѣпѣ шемносинихъ не- бесъ, обвѣваемая дыханіемъ южной ночи, про- вожала своего друга до садовой рѣшетки, разсуждая въ пріятныхъ невинныхъ шуп- кахъ о мнимомъ волшебствѣ минувшаго дня, о шомъ сколько эптому способствовали бла- гопріятшествующія обстоятельствова и кип- ростъ Флореншины. Наконецъ, смѣясь, раз- сказала она, что по вѣрнымъ извѣстіямъ Пелръ Цалегушъ не только не помышлялъ ни объ убійствѣ, ни о мщеніи, но женил- ся уже на другой богатой Гамбургской дѣвицѣ.

Чрезъ Синьора Альбершудци получено со- гласіе родителей обоихъ любовниковъ. Что

прежде казалось порочнымъ въ поведеніи Флоренпины, но исчезло теперь предъ благородными и честными поступками ея въ Сициліи. Не проспую невѣспую, но уже обавившеюся госпожею привела она Гисмунда, осенью шого же года, въ опцовскій домъ, вспрѣченная благословеніями родителей своихъ и Гисмундовыхъ.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ счастливаго супружества, Флоренпина зашала двухъ прекрасныхъ дочерей своихъ за чтеніемъ Истории Триспана и Изольды, и просила ихъ остерегаться, если случится съ ними въ игрѣ волшебство, ибо не должно шупить съ любовнымъ напишкомъ.

Съ Нѣмец. Н. Ф.

Б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПОДРАЖАНІЕ П САТИРЬ БУАЛО КЪ
МОЛЬЕРУ.

(Посвящено Александру Федоровичу Воейкову.)

Спасибо, что меня въ лице пы похвалиль, (1)
И переводчикомъ Дебрея ушвердиль;
Нельзя не хвасташься пріяшными словами,
Сіяешь пы давно на Пиндѣ межъ судьями;
И зришь достоинства безъ помощи спекла.
Тебѣ, кеторому Словесность лишь мила,
Возможно ли, скажи Воейковъ, не повѣришь?
Профессоръ (2) Журналистъ не спанепъ лице-
мѣришь!

Въ Парижѣ Буало о риємѣ хлопоталь,
Усердно Комика объ ней онъ вопрошаль;
Я кругъ Французскаго вопроса разширяю.
Въ чертоги пламенны вниманіе вперяю.

Наставникъ нынѣ мой, *заочный* (3) ученикъ!
Богатства Фебова мнѣ покажи шайникъ,
Пожалуй научи съ Пегасомъ обходисься,
Чтобъ смѣлой конь не могъ, лепая по буграмъ,
Иносказанія въ пучину погрузисься.

Боюся я, носясь по темнымъ областямъ,
 Попасшь къ безсмыслицѣ, не къ славѣ въ свѣсп-
 лый храмъ.

Моею просьбою Воейковъ не соскучишь,
 На Пиндѣ и меня извѣспнымъ бышь научишь:
 (4) Онъ на каедрѣ свѣспъ, кусшь розовой въ
 садахъ,

Противоборцамъ онъ въ Журналѣ бичъ и спрахъ.
 Покажешъ мнѣ мое занятіе любимо,
 Искусства пристани всѣ пролепая мимо,
 Научишь какъ парить на Генія крылахъ.

Доселѣ гнѣвны мнѣ на Пиндѣ были боги,
 Не опворяли врагъ изящества въ черпоги,
 Упоропленного перевозила боязнь,
 Разсудка Крипкики спрашна была мнѣ казнь,
 Ихъ судъ и похвалу я выше лавровъ спавиль
 И сдѣлался рабомъ искусства спрогихъ правилъ.
 Когда средь подвиговъ ищу я новый пущъ,
 Веляшь и каждой разъ въ словарь мнѣ заглянушь;
 Коль съ риемою пѣвецъ и звучностью не сла-
 дишь,

То крипикъ злой въ шюрму писателя поса-
 дишь; —

Любимецъ Августовъ и лирикъ древнихъ лѣшь,
 Пешомспву подалъ (флаккъ не искренній совѣспъ,
 Сказавъ: что дѣвушки одно лице прекрасно,
 На шею конскую приклеивашъ напрасно:
 Пѣвцу удастся ли при множествѣ препонъ,
Единства соблюспи во всѣхъ часпяхъ законъ;

Я самъ (5) тому примѣръ: когда раскрою Оды,
Дремали у меня и грома и народы,
 Устами говоря убишаго Царя
 Убогой риемою Оресьть стихъ кончить я. (6)
 Желая ли хвалишь Опцевъ, Псэшовъ Грековъ
 Испоршя звуки словъ поставлю чудо *сѣковъ* (7)
 Пустясь описывать зефира и весну,
 Одѣну въ золото и серебро (8) луну;
 Тогда насмѣшники съ улыбкою суровой,
 Опъ сердца радуясь своей добычѣ новой,
 За упущенную, излишнюю ли рѣчь
 Готовятся меня въ пучину Леты влечь.

А я несчастливый, сраженный грознымъ ро-
 комъ,
 Какъ Агнецъ жерпвенный, въ смиреніи глубокомъ,
 Не смѣю возвести на Крипику очей,
 Чпя правила и вкусъ началомъ всѣхъ лучей.

„Безъ (9) гибельной, увы! къ Словесности
 охопы
 „Текли бы дни мои счастливо безъ заботы:
 „Я въ день бы нѣжился, спокойно ночью спалъ;
 „Жизнь барскую любить какъ вопчинникъ бы
 спалъ.

„Борзыми, гончими всю осень веселишься
 „И не съ грамапикой, а съ ловчими бранишься.

Когдабъ мнѣ вздумалось въ споллицѣ бытъ
 зимой,
 Въ *дебютѣ* каждомъ я опкрылъ бы разумъ мой.
 Я декорацией умѣлъ бы занимашься

Самсона брызгами на полощнѣ прельщашься.

Но Римлянинъ, Французъ гремятъ въ моихъ
ушахъ,

Я слышу рѣчи ихъ о ясности (го) въ спихахъ:

„Коль мысль писателя не скоро поспигаю,

„Не медля цѣлымъ я швореніемъ скучаю;

„На пустословіе въ досадѣ иногда

„Умъ опыскашь его не приложу труда.

„Не рѣдко въ наши дни случается съ швор-
цами:

„Мысль отвлеченная — покрыпа облаками

„Очистишь мракъ такой свѣпъ Криптики не
льспись:

„Не бравшись за перо, ты думаешь научись.

„Какъ понимаешь смыслъ: иль темно или ясно;

„Такъ выраженіе съ нимъ выльется согласно...

Давно къ Словесности ты вѣдаешь мой жаръ,

Я въ жертву ей принесъ полустолѣшье въ даръ.

Не слабый мой шаланшъ къ потокамъ влекъ
Пермесскимъ,

О суешной хвалѣ не смѣлъ я помышлять,

Или при жизни бытъ на Пиндѣ сполько дерз-
кимъ,

Что бы безсмертья могъ по смерти ожидать;

Я просто здѣсь люблю поэзіи искусство:

Оно возносилъ духъ, пишаешь мысль и чувство,

Воспорговъ радостныхъ въ прелестные часы,

Изображаешь мнѣ волшебныя красоты;

Любовью дышущу природу представляешь,

И душу въ торня опсель переселяеть;
 Я мню, что Геликонъ сущесивъ избранныхъ мѣрь,
 Гдѣ сонъ торжественный пріятныхъ, скром-
 ныхъ лиръ,
 Одушевясь любви гармоніи закономъ,
 Куришь свой виміамъ премудрости предъ про-
 номъ.

Воображаю такъ Пѣридь на земли.
 Знакомой лиры гласъ Воейковъ, ты внемли,
 Коль не повѣришь мнѣ, пѣвецъ Кремля свидѣ-
 пель (12),
 Что есть — „Поэзія на свѣтѣ добродѣпель.“

Но если скажешь ты, пріятель вѣрный мой:
 „Не поздно ли ипши мнѣ слѣдомъ за побой:“...
 Я стихопворспивовашъ по смерть мою рѣшилъ;
 Желая, чшобъ меня чшпашъ ты не лѣнилъ...

Графъ Хвостовъ.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

НА ПОДРАЖАНІЯ САТИРЫ П БУАЛО, ПОСВЯЩЕН-
НОЕ АЛЕКСАНДРУ ФЕОДОРОВИЧУ ВОЕЙКОВУ.

1. Спасибо, что меня въ лице ты похвалилъ.

Знаменипый переводчикъ Виргилія и Делия удостоилъ, читая переводъ VII Посланія Буало къ Расину, сказать: см. Н. З. 1821 года кн. V, что мнѣ смѣло можно переводить Буало.

2. Профессоръ, Журналистъ не шанеть лицемѣришь.

Господинъ Воейковъ, издатель Журнала Сына Отечества, былъ Профессоромъ въ Дерптскомъ Университетѣ.

3. Наставникъ нынѣ мой, заотный чужникъ.

Переводчикъ Марона такъ благосклонно ко мнѣ отзывался въ приватныхъ письмахъ своихъ изъ Дерпта 1820 года Февраля мѣсяца.

4. Онъ на кафедрѣ свѣтъ и проч.

Я описываю сими стихами Профессора, Журналиста и Поэта.

5. Я самъ тому примѣръ и проч.

У насъ дремали въ узахъ громы,

Доколѣ вътрами несомый

Не спалъ Петръ волны поширать.

Къ Бошику, хранящемуся въ Переяславлѣ Залѣскомъ; или: Дремали двѣсти лѣтъ на Сѣверѣ народы.

Къ Ивану Пепровичу Маршосу 1818 года.

6. Смори Критику Г. Синельникова на прагедію Андрюмаха, напечатанную въ IV книжкѣ Невскаго зрителья 1821 года, Апрѣля мѣсяца.

7 и 8. Я не помню, что бы иаковые недоспашки почерпнушы были собственно изъ моихъ пивореній; но что касается до неправильнаго словоударенія, то хотя не сіе самое, но можешь быть много подобнаго находилися и у меня.

9. Слѣдующія шесть стиховъ сряду, почти безъ перемѣны взяты изъ перевода моего второй Сатиры къ Молиеру, напечатанной въ Журналѣ Друга Просвѣщенія въ Москвѣ 1804 г.

10. Стихи о ясности слога выписаны изъ первой пѣсни Науки стихопворной Буало.

11. Поэзія на свѣтъ добродѣтель.

Сія прекраснѣйшая и образцовая мысль, счастливо изложенная, принадлежитъ Василью Андреевичу Жуковскому.

И воздухъ и земля—все мнѣ въ спранѣ родной
 Воспоминаніемъ дышало;
 Печали, радости мелькали предо мной,
 И сердце сладко шепетало!

*

Моглоль не шепетать!—Здѣсь мирно разцвѣшаль
 Я въ тишинѣ уединенья;
 И таинство любви отъ Ангела узналъ,
 И не узналъ ея мученья!....

*

Здѣсь, посохъ въ руку взявъ, въ семнадцатой
 веснѣ,
 Въ путь дальней робко я пустился:
 Созрѣвъ среди заботъ — и къ милой споронѣ
 Разочарованъ возвратился!

*

Вновь вижу предъ собой родипельской мой домъ.—
 Но сколько время испребило!
 Любимымъ мной мѣспамъ я вовсе незнакомъ,
 И эхо голосъ мой забыло.

*

Напрасно я спѣшилъ на холмъ, гдѣ биль род-
 никъ
 Жемчужной и сребристой пѣной:
 Изрыпый вижу ровъ, а холмъ песчанъ и дикъ,
 Теченьемъ водъ не освѣженной!

*

Напрасно я искалъ, гдѣ кустъ румяныхъ розъ
 Младенецъ счастливый лелѣялъ:

Цвѣтокъ крапивою и шернѣемъ зарось,
И вѣпръ песокъ съ пропинокъ свѣялъ.

*

Все измѣнилось! — и многихъ, многихъ нѣшь!
Съ земли слепая понемногу,
Всѣ, жизни крестъ сложивъ, одинъ другому въ
слѣдъ

Пустились въ общую дорогу!

*

О матеръ, нѣжная! уже пы сына гласъ
Не въ дѣпскомъ слышишь лепешанѣ;
Но внемлешь надъ собой пы въ Липургіи часъ
Его надгробное рыданье!

*

Утѣшься! — на землѣ исполненъ пвой обѣщъ!
Ты долгъ свой свято совершила!
Не измѣню тебѣ; пойду добру во слѣдъ:
Клянусь! — внимаешь мнѣ могила!

*

Но кто укажетъ мнѣ пустынный гробъ опца,
Въ странѣ погибшаго далекой?
Увы! онъ въ смерпный часъ, зрѣлъ чуждыя
сердца,
Судьбой постигнутый жестокой!

*

Лишь мечъ его и шлемъ пернатый предо мной;
Лишь славы доброй вспоминанье
Гласишь мнѣ: юноша! иди его спезей,
Будь пвердъ—и не ропщи въ спраданьи!

*

И ты соупница моихъ весеннихъ дней!
 Какъ ландышь, срѣзанный косою,
 Едва разцвѣпшая, среди красы своей,
 Увяла упренней порою.

*

Съ слезами и тебя, и игры нѣжныхъ лѣпъ
 Невольно здѣсь воспоминаю —
 И пихо плавая любезнымъ пѣнямъ въ слѣдъ,
 Въ минувшемъ мыслію блуждаю!

*

Въ мерцаніи луны, въ дыханьи вѣперка,
 Среди дубравы яъ день шуманный,
 Ихъ часпо видипъ взоръ; спремипся къ нимъ
 рука —
 И съ грустью познаешь обманы!

*

А вы, копорыхъ рокъ доселѣ сохранилъ
 Подъ ветхой опческою сѣнью!
 Примите спранника: онъ свѣпу опслужиль,
 И дань несетъ успокоенью.

*

Мечпы! мечпы! — опяъ корабль мой на кры-
 лахъ
 Въ открытое несется море;
 Вождь пайный на кормѣ съ повязкой на
 очахъ,
 И въ слѣдъ за нимъ — помчалось
 горе! ..

*

Одно сопущспивуешъ всегда и всюду мнѣ
Послѣдній другъ—воспоминанье!
Я съ нимъ бесѣдую въ далекой споронѣ,
И счастливь въ сладоспномъ
мечпаньѣ!

М. Дмитріевъ.

Москва, 27 Генваря,
1818.

На быспрыхъ времени крылахъ,
И радость сердце посѣщаепъ
Моя надежда — въ небесахъ! . . .

Когдажъ опяшь смягченными судьбами
Я въ радости къ подругѣ понесусь,
Коснусь волшебныхъ струнъ волшебными пер-
срами
И, съ рѣзвою мечшою примирюсь.

А. Б — фѣ.

ВЛАДИМИРУ ИВАНОВИЧУ ПАНАЕВУ,
НА ПОЛУЧЕНІЕ ЕГО *Идиллій*, ПРИ ОТ-
ПРАВЛЕНІИ ЕГО ВЪ КАЗАНЬ.

Ты пушь направилъ на *Востокъ*,
Я къ *Западу* уже склоняюсь.
Твой подаренный мнѣ цвѣпокъ,
Всегда кошорымъ восхищаюсь,
Украся берегъ и попокъ,
Спыдишь мои посохши лозы;
Благоухающъ въ Маѣ розы
Твоей сажденныя рукой.
Невинны прелести цвѣпуція весной
Ты съ Геснеромъ воспѣлъ прекрасными стихами;
Но я на Сѣверѣ, скипаясь межъ снѣгами,
Унылымъ голосомъ пою подь часъ зимой.
Будь Музамъ ты всегда усердный собесѣдникъ,
За ихъ шебѣ дары, за первой ихъ вѣнокъ:
А мнѣ коль съ лирою пришелъ разстаться срокъ,
Я очень радъ тому, что будешь мой *наслѣдникъ*.

Графъ Хвостовъ.

О Т В Ъ Т Ъ.

Благодарю тебя маститый нашъ пѣвецъ,
Излщнаго вѣкамъ грядущимъ образецъ,
Благодарю тебя за лестное Посланье!
Но какъ *нзслѣдникомъ* пвоимъ могу я быть?
Природы даръ — таланшь — шакое достоянье,
Коперого не лзя другому укрѣпить.

В — рѣ Панасѣвѣ.

Э К С П Р О М П Т Ъ

МАЛЮТКЪ В. Л.

Счастливымъ даромъ пы, малютка, обладаешь:
Слухъ пѣниемъ, а взоръ красой своей плѣняешь.

И. М. р . . ѣвѣ.

II. КРИТИКА.

РАЗБОРЪ ПОСЛАНІЯ Г-на ДМИТРІЕВА къ Г-ну КАРАМЗИНУ.

Плавность, легкость и чистота языка, какими отличаются Послание Г. Дмитриева, заслуживаютъ особое вниманіе. Выраженіе распротанной души стихотворца, преимущественно изображающаго свои чувствованія, заставляешь насъ причислить сіе Послание къ лирической Поэзіи. Самая гармонія стиховъ, подобная звуку стройной лиры, даетъ сему стихотворенію полное право принадлежать къ тому, а не другому роду; а легкой, простой и чуждый всякой пышности языкъ, наиболѣе свойственный Посланіямъ, оправдываетъ названіе.

Стихотворецъ въ сѣмъ Посланіи обращается рѣчью къ другу своему, какъ лю-

бимцу Музъ, изливаешь предъ нимъ свои чувствованія и съ удивительнымъ искусствомъ переходишь къ Элегіи; кистію Овидія описывая потерю родственника своего, съ сельскою простотою неподражаемо рисуешь деревенскую жизнь и земледѣльческія занятія. Какой рядъ плѣнительныхъ аллегорій вводитъ насъ, такъ сказать, въ Галлерею картинъ, одна другой занимательнѣйшихъ, выспавленныхъ Поэтомъ Живописцемъ.

„Ни Фавны роць дубовыхъ,

„Ни Нимфы дикихъ горъ и бархатныхъ луговъ,

„Ни боги свѣпныхъ рѣкъ и пихихъ ручейковъ

„Не слышали еще имъ незнакомой лиры.

„Подъ мракомъ грозныхъ пучъ играютъ ли Зефиры?

„Поешь ли зяблица, какъ бури заревушь

„И съ гибкаго куста гнѣздо ея сорвушь?

„До пѣсней ли и мнѣ подъ гнѣпомъ рока злова?“

Далѣе спихопворецъ, увлекаемый воспоминаніемъ о потерѣ нѣжнѣйшаго своего родственника, приходишь въ то состояніе вдохновенія, въ которомъ рождаются высокія мысли и чувствованія, выражаемыя опважнѣйшимъ, сильнѣйшимъ и самымъ кар-

шиннымъ языкомъ, словомъ: спихопворецъ
возносився до шой высоты, копорая на-
иболѣе прилична Одѣ:

Еще дымится пепль опеческаго крова,
Еще смущенна мысль все бродитъ въ шѣхъ мѣ-
скахъ,
Недавно гдѣ земля на вѣкъ сокрыла прахъ,
Прахъ спарца, для меня шолико драгоцѣнна!..

Мимоходомъ замѣтимъ, что такое сокращеніе прилагательнаго: *драгоцѣнна*, болѣе неупотребительно въ Поэзіи. Но что малѣйшая погрѣшность въ сравненіи съ безчисленными красочами? Говорятъ, что есть пятна въ солнцѣ. Но примѣшны ли онѣ, когда свѣсило дня восходитъ во всемъ своемъ сіяніи.

Посмотрите какъ Поэтъ приноситъ дань Поэту, дань безприсрасшную, превосходящую всякое похвальное Слово.

Пускай Херасковъ, мужъ ошъ дѣтства чпимый
мной,
То въ міръ фантазіи пушъ кажетъ за собой,
То къ райскимъ красочамъ на небо восхищаетъ,
То на цвѣшущій брегъ Пенел провоздаешъ
И даже въ зиму дней умомъ еще цвѣшя,
Манишь на лирный гласъ крылатое дитя,

И съ крѣпостью влечешь, нѣжнѣйшихъ чувствъ
владѣтельница,
 Любишь Поэзію, себя и добродѣтельница. —

Эта черта, проведенная кистію Рафаэля, не изображаетъ ли Хераскова, какъ шворца Россіады и нѣжнѣйшаго пѣснопѣвца? Но вѣнецъ, соплетенный Державину, кажется еще плѣнишелейше. Это вѣнецъ лавровый возложенный на пѣвца Фелицы, рукою самого Аполлона.

Геній одного встрѣтился съ Геніемъ другаго и воспарилъ до облакъ;

Пускай Державинъ всѣхъ въ восторгъ приводитъ
духъ;

Пускай молодой герой, къ нему склоняя служъ,
 Пылаешь и дрожишь, и ищешь алчнымъ взгля-
домъ

Копья, чтобы лепше потрясшь землей и адомъ.

Тамъ, гдѣ Дмитриевъ описываетъ Природу, неуступаетъ онъ ни Делилю, ни Томсону. Какое неподражаемое совокупленіе метафоръ! оно даетъ жизнь безжизненному.

Люблю съ угрюмыхъ скалъ гремящи водопады;
 Люблю и озера *спокойной*, гладкой видъ,

Когда его *стекло* вечерній лучъ злашишь;

Открышыя поля подь *золотою* нивой
Свинцовые валы на озеро погонишь.

Ежели справедливо, что конецъ вѣнчаешь дѣло, то Дмипріевъ въ спихахъ, копорыми заключаешь свое Посланіе, можетъ бытъ сравненъ только съ самимъ собою. Любезность, съ копорою онъ изображаетъ играющихъ дѣшей, въ полной мѣрѣ заслуживаетъ названіемъ того, что у Грековъ извѣстно было подь именемъ *Харисбъ*.

Открышыя поля подь золотою нивой!
 Вездѣ блестятъ серпы въ рукѣ прудолубивой!
 Какой пріятный шумъ, какая пестроша!
 Здѣсь взрослый, тамъ старикъ, съ нимъ рядомъ красота;
 Кто жнешь, кто вяжетъ снопы, кто подбираетъ класы;
 А дѣши между шѣмъ, Амуры свѣшловласы,
 Украдкой по снопу, играючи, берутъ,
 Крехшятъ подь ношею, другъ друга ею прущъ,
 Валяются, встаюшь и усмопря цвѣшчикъ,
 Всѣ врознь къ нему лешятъ, какъ Майской вѣшперочикъ.

Что прибавлю въ заключеніи? Скажу съ
Квинтилианомъ: Дмишріевъ multum et veræ
gloriæ quamvis uno libro meruit.

Богдановъ.

О СОЧИНЕНІЯХЪ КНЯЗЯ ДОЛГОРУКОВА (*).

(Отрывокъ изъ *Разсужденія о Россійской Словесности.*)

Природа одарила Князя Долгорукова про- ницаніемъ, познаніе свѣща обогатило его испинами, а наблюдательный умъ дѣлалъ острья и вѣрныя замѣчанія; выспавлялъ модныхъ людей въ смѣшномъ видѣ, а любимцевъ счастія метеорами.

Князь Долгорукой писалъ съ большою легкостію стихи, увлекался своимъ воображеніемъ и совсѣмъ не радѣлъ объ обработанности своихъ сочиненій.

Тщешно будемъ мы опыскивать въ его сочиненіяхъ искусства: онъ не щеславился имъ; но сей недоспапокъ замѣненъ не-

(*) Стихотворенія Князя Ивана Михайловича Долгорукова. Москва; 1817 и 1818. въ 4 частяхъ.

принужденною оспрошою, смѣлыми мыслями.

Оды Князя Долгорукова не поставляютъ нашего сочинителя въ число лириковъ. Пѣсни его наполнены упоминательными вздохами и учпивыми объясненіями. Въ шушливомъ родѣ онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между Русскими Писателями. Онъ оригинально описывалъ свѣтъ, часто нападалъ на предрасудки съ ироническою оспрошою, и рассказывалъ все съ удивительною искренностію, что видѣлъ и:

Что живо чувствовалъ, то смѣло написалъ.

Посланія Князя Долгорукова писаны на разные предметы; нѣкоторыя изъ нихъ преданы забвенію, многія посредственны; но и пѣ имѣли бы больше цѣны, еслибъ со стараніемъ были обработаны; лучшія же суть: *къ сосѣду, къ Парфену, къ Парашѣ, приказъ швейцару.*

Первое, какъ по игривымъ мыслямъ, такъ и по хорошей опдѣлкѣ цѣлаго сочиненія, принадлежитъ къ обработанныѣйшимъ; съ особливимъ насмѣшливымъ шеномъ, ему одному сроднымъ, такъ онъ начинается Посланіе:

Пора сосѣдушка безпечной,
 Пора за умъ приняшься намъ;
 Оспавимъ городъ, другъ сердечной:
 Въ немъ жишь не нашимъ головамъ;
 Приищемъ двѣ деревни рядомъ,
 Съ уюпнымъ домикомъ и садомъ,
 Какъ предки наши заживемъ;
 Чужихъ обѣдовъ не попросимъ,
 Кафпановъ шипыхъ не износимъ
 И рубль копейкой сбережемъ.

Ч. 2, стр. 111.

Попомъ продолжаешъ какъ свѣпской
 опышной челоуѣкъ, что солнце

Коль скоро чупь кого пригрѣешъ;
 Топь рѣдко, рѣдко разумѣешъ,
 Что многимъ очень спудено.

Ч. 2, стр. 113.

Посланіе къ *Парфену* можно поспавипь
 наравнѣ съ первымъ. Сочинишель, изобра-
 жая заботы бѣднаго Парфена, доказываешъ
 ему, что онъ долженъ шерпѣшь, сильнымъ
 логическимъ силлогизмомъ:

Ты бѣдень, слѣдственнo шерпи.

Ч. 2, стр. 122.

Въ Посланіи къ *Парашѣ* онъ описываетъ пышный и роскошный домъ Селимены:

Я былъ въ гостяхъ у Селимены —
 Прекрасный видѣлъ тамъ боскешъ;
 Въ диванѣ зеркальныя спѣны,
 Въ гостиной розовой паркетъ
 Въ которой край не оглянуся,
 Красно, богато и свѣтло!
 Чего рукой ни допронуся —
 Все бархатъ, мраморъ, иль стекло!

Ч. 2 стр. 87.

Въ сихъ черпogaхъ кокетка Селимена:

Словца безъ умыслу не скажешь;
 Глазамъ великой недосугъ;
 Съ надменностію кажешь
 Свои алмазы и жемчугъ.

И пошому просподушный стихотворецъ оставилъ Селимену, поѣхалъ къ своей любезной *Парашѣ*, и тамъ на свободѣ сказалъ сію простую, но близкую къ сердцу мысль:

Живи разсудка подъ закономъ,
 Богатыхъ не ревнуй судьбѣ:
 Къ богатымъ придущь всѣ съ поклономъ
 А съ сердцемъ бросающа къ тебѣ.

Лучшія изъ сочиненій Князя Долгорукова, кромѣ Посланій, суть: *Завѣщаніе*, *Каминѣ въ Пензѣ*, *Нѣкто для весельякаковѣ*, *Авось*, *Веселѣ*, *Живетѣ*, *Пирѣ*, *Вѣ послѣднемѣ вкусь теловѣкѣ* и *Пріятелю шутка за шутку*. *Завѣщаніе* его по оригинальности можетъ служить украшеніемъ Руской Словесности.

О вы, друзья мои любезны!

Не спавъше камня надо мной!

Всѣ ваши бронзы бесполезны;

Онѣ души не красящъ злой

.

Добро, какое я имѣю,

Даю женѣ и дѣтямъ все:

Давашъ могу — доколь владѣю;

Умру — ничто ужъ не мое.

Печальныхъ каршъ не посылайте,

И черныхъ плашьевъ не вздѣвайте:

Пустой убытокъ; пышной вздоръ!

Ни въ дождь, ниже во время ясно,

Не мучъте вокругъ меня напрасно

Богатыхъ паспырей соборъ.

.

Не славъте вы меня спихами;

Они не нужны мерпвецамъ;

Пожеривуйте вы мнѣ сердцами,

Какъ сымы жерпвоваль я вамъ.

Спихи отъ ада не избавяпъ,
 Въ раю блаженства не прибавяпъ;
 Въ нихъ только гордость и щета.
 Пропокъ воды, двѣ, при березы,
 Да ближнихъ искреннія слезы
 Вопъ монументовъ красота!

Ч. 1, стр. 257.

Авось, всесильное слово, на которомъ
 созидають всѣ люди свое счастье, спрояпъ
 воздушные замки и перяются въ своихъ
 замыслахъ, такъ опредѣлено у нашего спи-
 хопворца:

О слово милое, простое!
 Тебя въ спихахъ я восхваляю!
 Слово ты Руское прямое,
 Тебя всемъ сердцемъ я люблю!
 Безъ важныхъ вычуръ, но прекрасно —
 Ты кратко всякому и ясно
 Свой вѣсь почувствовать даешь.
 Куда съ копытомъ конь помчится,
 Туда же ракъ ползкомъ тащится
 Обоихъ въ путь одинъ ведешь.

Изчислишь всѣхъ чудесъ не можно,
 Какія спроишь ты, авось!
 Скажу — и эшо чай не ложно —
 Что безъ тебя весь умъ хоть брось.

Трудись, пошѣй, слагая шемы,
 Изчерпай Естества системы, —
 И все ты съ мѣста никуда;
 А пошъ, кто за авось возмется,
 Ни думавъ, ни гадавъ, плешется,
 И промахъ рѣдко дастъ когда.

Ч. 3, стр. 22.

Въ піэсѣ: *Везетъ*—представляетъ онъ счастье и описываетъ его удививительную силу. Спихошворецъ въ семь сочиненіи обнаруживаетъ всю свою опытность, зрѣлой умъ и основательное сужденіе; не думая, спановишся онъ философомъ, и безъ всякой напыщенной учености, симъ простымъ и вѣрнымъ средствомъ достигаетъ своей цѣли. Послушаемъ спихошворца и философа:

Повѣрьте, все мечта пустая:
 Не рѣдко, слезы проливая,
 И Царь какъ подданный живеть.
 А шолько пошъ лишь безъ сомнѣнья,
 Во всемъ пространствѣ выраженья
 Вовсемъ счастливь, —кому везеть!
 На свѣлѣ что-то есть другое
 Непоспижимое, живое,
 Чего премудрость не даетъ,

Чего въ рядахъ не покупають,
 Ни въ жишницы не собирають,
 Чшо просто мы зовемъ: везеть.

.

Но шолько шопшь умень, достоинь,
 Хорошь, пригожь, богать, покоень
 И словомъ: хвапшь — кому везеть.

Въ послѣднемъ вкусѣ теловѣкъ — есть самая вѣрная и живая картина нынѣшнихъ нравовъ моднаго свѣща; гдѣ и самый послѣдній въ обществѣ заняпшь своими воображаемыми достоинствами, слѣдуетъ съ рабскою почностію всѣмъ предразсудкамъ *бонтона* и спановишся жалкою копіею искаженныхъ оригиналовъ. Пигмеевъ сихъ удостоилъ спихопворецъ передать попомшву, и безъ ихъ умысла доставилъ имъ безсмертіе.

Въ большой великолѣпной залѣ
 Посмотришь индѣ — пьма людей!
 Всѣ пляшуть до поту на балѣ,
 А скука ждепшь всѣхъ у дверей.
 Пріяшель друга обнимаетъ,
 Его ни мало не любя;
 Топшь шой же лаской опвѣчаетъ,
 И шепчетъ: чорпшь бы взялъ шебя!

Видалъ я часто обращенье
 Обоихъ половъ межъ собой;
 Ихъ вальсъ приводитъ въ восхищенье,
 Мазурка рай для нихъ земной;
 Повсюду слышился всечасно:
 Ахъ, какъ мила, ахъ распрямилъ!
 Все въ ней божественно, прекрасно!
 Гудки съ двора — и жаръ проспыль.

*

Мужчинъ ли гдѣ кружокъ сойдется,
 Тамъ безпорядокъ и содомъ;
 Боспономъ день у нихъ начнется,
 А вечеръ кончится виномъ;
 Попомъ разцѣнка за глазами
 Пойдетъ порядочная всѣмъ;
 Въ злословьѣ хваспаюшь умами,
 Ни кто не дорожитъ ни кѣмъ.

Ч. 3, стр. 46.

Князь Долгорукій написалъ также двѣ
 Комедіи: *Дурьломъ или выборъ въ стар-*
шины, въ 3 дѣйствіяхъ въ стихахъ; *От-*
таяніе безъ петали или такъ водится, въ
 одномъ дѣйствіи; и *Оперу: Любовное вол-*
шебство, въ 3 дѣйствіяхъ. Произведенія
 сіи, кажется, могутъ служить доказатель-
 ствомъ, что приспособилъ свои дарова-

нія ко всѣмъ родамъ Поэзіи почти никогда не удаешся, всегда бываешъ сомнительно и не рѣдко пагубно для сочинителя! —

А. Р.

III. С М Ъ С Ъ.

а) КРАТКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ ОБЪ АРТИЛЛЕРІИ.

(Продолженіе.)

Въ продолженіи времени начали спрѣлять бомбами изъ пушекъ, при чемъ меньшаго вѣса называли гранапами, но по большой длинѣ орудій ими не удобно было спрѣлять изъ обыкновенныхъ пушекъ, почему и надлежало ихъ укоротить, а въ слѣдствіи сего усмотрѣли, что ядра и гранаты вылетали изъ пушекъ прежде воспламененія всего заряда, отъ чего нѣкопоячая часть пороха безъ всякаго дѣйствія сгорала. Сіе обстоятельство, служащее основаніемъ баллистики, подало мысль къ преобразованію той части канала, въ коей порохъ находился, и для удобнѣйшаго воспламененія заряда составили дробовики или каморныя орудія, о коихъ говоритъ *Вальяшевъ*, что они были прехъ родовъ ш. е. каменные каршауны, браги, шѣ кои заря-

жались съ зади, и пепріеры или каменнобросцы, раздѣлявшіяся на два рода: мужеской и женской. Изобрѣшеніе коропкихъ и легкихъ картоуновъ приписываютъ въ 1580 году *Донъ Іоанну Масрикуецъ де Лара*, и ушверждаютъ, что въ 1600 году были первые сдѣланы опыты, чтобъ стрѣлять гранатами изъ пушекъ: а въ слѣдующемъ году при осадѣ Оспенда, означенной многими сткрытіями по Инженерной части, изобрѣшены были каршечи.

Замѣшимъ, что въ сихъ орудіяхъ каморъ были цилиндрическія, конусныя, круглыя бупыльныя и угловашыя: нынѣ же въ употребленіи только цилиндрическія и коническія. Въ послѣдствіи времени сіи камерныя орудія будучи болѣе улучшены, получили названіе гаубиць, и сіе изобрѣшеніе приписываютъ Англичанамъ и Голландцамъ. Во Франціи же онѣ здѣлались извѣстными въ 1693 году въ сраженіи при Нервиндѣ, гдѣ Маршаль Люксенбургъ ихъ опіялъ у Голландцевъ. Первые гаубицы въ Дусѣ были вылиты въ 1749 году.

Въ отечествѣ нашемъ въ 1757 году сіи орудія были преобразованы Генераль-Фельдцехмейстеромъ Гр. Шуваловымъ и назывались по его имени, или секретными, ибо оныя хранились въ шайнѣ, для прислуги избирались надѣжныя люди, кои присягою обязаны были ничего не объявлять о нихъ. Но сіи орудія опличались

онъ прежнихъ шѣмъ что имѣли внутреннюю пуспом унаподобіе эллипсоида и по неудобности въ заряданіи въ послѣдствіи времени замѣнены были единорогами, изобрѣшенными въ томъ же году Графомъ Шуваловымъ, кои нынѣ болѣе улучшены, имѣя коническія каморы и будучи корочѣ пушекъ, способствуюшъ къ пораженію непріятели гранатами и ядрами и прочими снарядами, навѣсно и горизонтально выстрѣливаемыми.

Въ 1756 году изобрѣшены Англичаниномъ *Карономъ* особаго рода коронкія орудія для морской Аршиллеріи, называемыя по его имени Каронадами.

Первоначальное употребленіе каменныхъ ядеръ приписываютъ 1653 году при осадѣ города Брежы, и въ 1675 году при Спральзундѣ: но должно полагать, что оныя употреблены гораздо прежде сего. *Семеновичъ* въ своемъ сочиненіи объ Аршиллеріи, напечатанномъ въ 1650 году, упоминаетъ о нихъ какъ объ извѣстномъ изобрѣшеніи: другіе утверждаютъ также, что они изобрѣшены *Донъ Маврикуецемъ* въ 1580 году. Во Франціи оныя не употреблялись прежде войны, въ 1688 году до 1698 году веденной; но по сочиненіямъ *Дету* и *Ремона Сентъ Албина* видно, что Поляки въ 1577 году ими стрѣляли при осадѣ Данцига, а въ слѣдующемъ году при Полоцкѣ и замка Сокола. Часно встрѣчав-

шіяся опасности при заряданіи орудій каменными ядрами, были поводомъ къ изобрѣшенію брандскугелей и каркасовъ, наполненныхъ зажигательнымъ составомъ; и въ 1672 году изобрѣпены были огромныя бомбы, называемыя комминжами, кои имѣли въ діаметрѣ около $1\frac{1}{2}$ фута и вѣсили 500 фунтовъ. Нынѣ оныя оставлены, и только пяти-пудовыя бомбы употребляются при осадѣ и оборонѣ крѣпостей. Въ Энциклопедіи приписываютъ употребленіе каркасовъ *Гойстеру* въ Дрезденѣ 1675 года; копорый въ присутствіи *Людвика XIV* дѣлалъ въ Парижѣ опыты; но по мнѣнію другихъ изобрѣшеніе сіе принадлежитъ Епископу Минстерскому. Сверхъ того около сего времени употреблены были Книпели цѣпныя, складныя и почтовые ядра (boulets messagers), изъ коихъ сіи послѣднія сообщали извѣстія между непріятелями, наподобіе тѣхъ стрѣлъ, кои по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, употреблялись Греками и Римлянами для пересылки писемъ. Но всѣ сіи сложныя ядра, заключавшія въ себѣ цѣпи, драконы, и сружація для употребленія на корабляхъ снастей, а приукрѣпленіяхъ мостовъ, палисадовъ и проч. по бесполезному своему дѣйствію, нынѣ оставлены, ибо отъ сопротивленія воздуха, наиболѣе препятствующаго полету всякаго неправильнаго тѣла, оныя падали на ближнемъ разстояніи. Изобрѣшеніе

свѣплыхъ ядеръ, шшурмъ кранцевъ или вѣнковъ изъ коихъ послѣднiя упопроблялись для освѣщенiя приступа, принадлежатъ къ тому времени, когда при оборонѣ и осадѣ крепостей упопроблены были различныя средства для отраженiя не прiятелей, какъ на примѣръ соспавленiя смрадныхъ и удушающихъ и даже ядовитыхъ ядеръ, кои были тогда въ большемъ упопробленiи и нынѣ оставлены, довольствуясь только свѣтлыми ядрами, для отккрытiя непрiятеля въ ночное время.

Огнестрѣльное оружіе съ 1389 года уже было извѣстно въ опечествѣ нашемъ, и пословамъ лѣтописцевъ изъ Нѣмецкой земли вывезли арлеашы (оружіе) и огненную стрѣльбу, съ того времени свѣданную Россiянами, хотя еще въ описанiи Московской осады, 1382 года упоминается о пушкахъ: но такъ назывались у насъ прежде, не нынѣшнiя воинскiя орудiя сего имени, а большiя самострѣлы или шѣ маханы, коими осажденные бросали камни въ осаждающихъ. При сынѣ *Донскаго Василь*, сгорѣло въ Москвѣ нѣсколько дворовъ отъ дѣланiя пороха. Аршиллерiя называлась огнестрѣльнымъ снарядомъ, а орудiя раздѣлялись на пищали шюфяки и пушки. Объ осадѣ Порхова *Витовтомъ Литовскимъ* (1428), лѣтописцы рассказываютъ, что самая огромная изъ его пушекъ сдѣланная Нѣмецкимъ мастеромъ *Николаемъ*, на-

зывается галкою и привезенная на 40 лоша-
дяхъ, однимъ выстрѣломъ сразила каменную
городскую башню и спиѣну въ церкви Св. Ни-
колая: но разлещѣлась на части, своими облом-
ками умерщвила множество Липовцевъ и сама-
го мастера.

По всѣмъ вѣрояніямъ должно полагать, что
Россіяне имѣя, частыя битвы съ Поляками, за-
имствовали отъ нихъ огнестрѣльнымъ ору-
жіемъ: но успѣхи въ ономъ долгое время были
весьма медленны, въ XV и XVI столѣтіи
раннее искусство вообще далеко было отъ по-
го состоянія, до котораго оно достигло въ дру-
гихъ Государствахъ. Конница составляла глав-
ную силу говорить Исторія; пѣхота не могла
съ успѣхомъ дѣйствовать въ степяхъ противъ
непріятелей конныхъ; орудіемъ былъ лукъ, стрѣ-
лы, сѣкира, кистень длинный кинжалъ, иногда
мечъ, копье. Пушки не считались весьма нуж-
ными въ полѣ. Вылитыя Италіянскими худож-
никами для защиты и осады городовъ, споя-
ли неподвижно въ Кремль на лафетахъ.....
Щадя людей и худо употребляя снарядъ огне-
стрѣльной, мы рѣдко брали города приступомъ,
надѣясь изнурить жителей долговременною оса-
дою и голодомъ. Но однакожь во многихъ мѣстахъ
Исторіи упоминается, что Русскія войска
громили и разоряли пушками стѣны непріа-
тельскія, что Топары при *Василіѣ Темномъ*

(1451 года) ими опражены ошь спѣнь Московскихъ, и что въ 1475 и 1480 годахъ оными дѣйствовали при осадѣ Фелина и другихъ городовъ въ Лифляндіи, а при взятіи Казани находились въ числѣ огнестрѣльнаго снаряда 150 орудій, и для приступа были упопрелены подкобы. Въ С. Пешербургскомъ Арсенялѣ храняпся два достопамятныхъ орудія для всѣхъ любилелей опечественныхъ древноспей: оплипыя въ царствование Царя Іоанна Васильевича: 1) дробовикъ, родъ морширы вѣсомъ 10 пудъ $23\frac{1}{2}$ фунта, имѣющій кошель на подобіе паралелепипеда, а камору на подобіе чепырехъ-споронной усѣченной пирамиды; и 2) гаубица вѣсомъ 6 пудъ 30 фунтовъ. Достойно замѣчанія, что въ 1545 году Царь *Іоаннъ Васильевичъ Грозный* учредилъ Спрѣлечкое воинство и при праопцѣ его былъ вызванъ изъ Болоніи знаменитый липшейщикъ Аристопель, копорый лиль пушки, колокола и былъ также извѣспный архипекторъ: а послѣ сего въ 1607 году Царь *Іоаннъ Васильевичъ Шуйскій* спарался усовершенствовашь воинскія поспановленія въ Россіи, и по его повелѣнію начали переводить съ Нѣмецкаго и Латинскаго языка на Русской: *Уставъ ратныхъ пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки*. Трудъ сей окончанъ при Царѣ *Михаилѣ Оводоровичѣ* въ 1621 году; и книга сія напечатана съ рукописи, найденной въ оружейной

палашъ въ Москвѣ 1777 года. Царь *Алексѣй Михайловичъ* умноживъ Спрѣлецкое войско, и желая усовершенствовать свои полки по Европейскому образцу, принималъ въ службу охотниковъ, коихъ называлъ солдатами и поручалъ ихъ усмотрѣнію иностраннымъ Офицерамъ, вызваннымъ въ Россію для улучшенія военнаго искусства. Обращая вниманіе на разныя военныя оспрасли, онъ повелѣлъ составить о семъ книгу, копорая была издана подъ заглавіемъ *Ученіе и хитрость ратнаго строянія пѣхотнаго строянія пѣхотныхъ людей*. Книга сія напечатана въ Москвѣ въ лиспъ, съ чершежами. Касательно же Аршиллеріи, примѣчательны слѣдующія древнія орудія, въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій вылипыя въ Россіи:

	Кал.	Д л и н а	В ѣ с ь
<i>Троиль</i> , на концѣ на казенной части изображень <i>Троянской Царь</i> , вылипа 1685 года мастеромъ <i>Яковомъ Дубня</i>	45 ф.	2 саж. 15 в.	402 пу.
<i>Новой Персь</i> , вылипа <i>Мартыномъ Осиповымъ</i> 1686 года	43 ф.	2 с. 1 а. 2 в.	—
<i>Гамаюнъ</i> вылипа <i>Мартыномъ Осиповымъ</i> 1690 года; вѣсь ядра написанъ 6 гривенокъ, по еспъ	6 ф.	2 с. 6½ в.	102 пу.

	Кал.	Д л и н а	В ъ с ъ
Орелъ, съ изображеніемъ на дульной части двухъ-главаго орла, вылипа 1693 года <i>Мартыномъ Осиповымъ</i>	45 ф.	1 с. 2 а. 1 в.	220 пу.
Пушка вылипая въ Глуховѣ въ честь <i>Гетмана Мазепы</i> 1697 года	2 ф.	—	19 пу.
Пушка 1706 года, по повелѣнію Гетмана Мазепы вылипая въ Глуховѣ мастеромъ <i>Карпомъ Балашевичемъ</i>	12 ф.	1 с. 2 а. 5 в.	118 пу.
Пушка съ изображеніемъ двухъ-главаго орла на дульной части; вылипа въ Казани 1713	26 ф.	2 с. 1 в.	—
Пушка вылипая 1717 года	26 ф.	1 с. 1 а. 1 в.	—

Въ семь состояніи находилась Россійская Артиллерія до 1723 года, то есть до того времени когда Императоръ Петръ Великій дѣлалъ первое положеніе о числѣ и калибрахъ пушекъ; ибо до сего времени никакихъ положительныхъ правилъ не было ни въ разсужденіи длины и толщины орудій, но каждой липейной мастеръ располагаетъ по собственному произволу своему.

Вообще Артиллерія въ сіе время во всей Европѣ находилась еще во младенчествѣ, дѣйствовала худо, въ маломъ числѣ и по несовер-

шенству своему, она служила вспомогательнымъ средствомъ, болѣе успрашала своихъ непріятелей громомъ, нежели самымъ, дѣйствіемъ и посему къ ней не имѣли той довѣренности, которая необходимо нужна въ военныхъ дѣйствіяхъ. Доказательствомъ сему служить что *Мансфельдъ* въ войнѣ съ Баварцами 1621 года, при отрядѣ своемъ изъ 13000 человекъ пѣхоты и 7000 конныхъ, имѣлъ только четыре пушки; а прошивъ Испанцевъ для прекращенія осады Франкендала при 17560 отрядѣ, находилось 10 орудій, но во время тридцати-лѣтней войны, *Густавъ Адольфъ* чрезмѣрно увеличилъ свою Артиллерію, и по словамъ военныхъ писателей имѣлъ въ Лейпцигскомъ сраженіи козенныя пушки, кои имѣли внутри мѣдные стволы, окоченные желѣзными кольцами, увитые веревками съ клеемъ и обтянутые полотною и кожею. Изобрѣшеніе оныхъ приписываютъ *Борну Вурмбранту* въ 1629, кои потомъ въ 1739 году во Франціи были предложены *Брокарюль*: послѣ сего Шведы въ 1633 году изобрѣли ящики для бросанія бомбъ, камней и проч. въ осажденный городъ. При нападеніи на Грейфенгагенъ они дѣйствовали изъ 80 орудій, въ лагерѣ при Франкфуртѣ имѣли 200 орудій а при Нюрнбергѣ 300; въ сраженіяхъ Бренфельдскомъ и Люценскомъ стрѣляли изъ 100 пушекъ. Въ сіе время Артиллерія такъ какъ и самая дви-

женія войскъ хотя и болѣе усовершенствовались; но далеки были отъ совершенства нынѣшнихъ. Шведы съ многочисленною Артиллеріею осаждая Лейпцигъ, долго не могли его взять; Фрейбергъ огражденный одною стѣною выдержалъ шесть недѣль осаду, хотя было сдѣлано 5399 пушечныхъ выстрѣловъ брошено 200 гранатъ и взорвано 14 подкоповъ. Метаніе бомбъ въ сіе время еще менѣе было удачно: ибо изъ 295 бомбъ при осадѣ замка Гогеншвиль, только 66 долѣтело, а изъ 70 брошенныхъ бомбъ въ Бабенгаузенъ, 17 произвели свое дѣйствіе. Сіе время въ особенности заслуживаетъ вниманіе въ военной Исторіи: ибо послѣдовало совершенное преобразование Шведскаго войска, и самая Тактика во всей Европѣ измѣнилась. *Густавъ Адольфъ* облегчилъ вооруженіе кавалеріи, уничтожилъ пики въ пѣхотѣ, къ мушкетамъ придѣлалъ Нѣмецкіе замки, ввелъ разноцвѣтные мундиры, полстолу фронта уничтожилъ, войска началъ строити въ три шеренги, и стрѣлять плушонгами: въ Германіи егеря учреждены, а во Франціи въ 1670 году учрежденъ особой рядъ войска, называемый гренадерами и пр. Не распространяясь описаніемъ всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, кои въ слѣдствіи сего постепенно вводимы были въ устройство и въ оруженіи Европейскихъ войскъ, замѣтимъ, что послѣ сего времени, важнѣйшіе успѣхи въ устройствѣ

и употребленіи Аршиллеріи безъ сомнѣнія должно приписатьъ царствованію *Людвика XIV*, при коемъ *Вобанъ* введеніемъ рикошетной стрѣлы при усовершенствованной имъ осадѣ, совершенно нарушилъ равновѣсіе между ею и обороною, а *Когорнъ* славившійся въ Голландіи въ искусствѣ укрѣпленія, предложилъ особаго рода морпирки, коихъ усиленное навѣсное дѣйствіе гранадами, болѣе наносило вреда непріятелю, нежели паденіе большихъ бомбъ. Утверждаютъ, что первоначально сіи малыя морпиры были изобрѣнены Имперской службы Полковникомъ *Горстомъ* въ 1669 году, а въ послѣдствіи улучшены *Когорномъ* 1702 года. Но замѣтимъ, что до большаго усовершенствованія Аршиллеріи, которое она получила при *Людвикѣ XIV* и *Фридрихѣ Великомъ*, орудія воевъ не имѣли той соразмѣрности, прочности и удобности, въ коихъ она нынѣ отличается и способствуешь въ соединеніи силы и скорости ея дѣйствія съ быстротою движеній нашихъ войскъ. Неописывая всѣхъ пѣхотныхъ, кои поспешенно вводимы были для улучшенія огнестрѣльнаго оружія во Франціи, Германіи и Англіи, мы замѣтимъ только то, что количество пороха въ зарядѣ, такъ какъ и самое составленіе онаго, долгое время не было определено. Въ 1674 году *Иезуитъ де Шиль*, первый включаетъ Аршиллерію въ число математиче-

скихъ наукъ. *Гюнгенсъ* 1675 разсматриваетъ свойства состава и дѣйствія пороха, а *Блондель* примѣняетъ параболическую фигуру къ метанію бомбъ. Но всѣ успѣхи въ артиллеріи находились въ сіе время еще во младенческомъ состояніи, даже въ самой Франціи, гдѣ военныя науки наиболѣе образовались: иные дѣлали зарядъ въ вѣсь ядра, другіе въ половину и двѣ трети онаго, и каждый изъ древнихъ Артиллеристовъ полагалъ, что оныя чрезмѣрно сильныхъ зарядовъ выстрѣлы далѣе проносились. Но въ противности заключенія сего убѣждены будучи несчастными происшествіями при разрываніи орудій, что только оныя соразмѣрнаго количества пороха зависить сила выстрѣловъ, они занялись постояннымъ опредѣленіемъ онаго. *Диего Уфано* упоминаетъ, что тяжелыя орудія должны заряжаться оныя $\frac{4}{5}$ до $\frac{2}{3}$ вѣсу ядра, а малыя по легкости своей въ вѣсь онаго. *Сечьрсии* говорятъ, что *Дюлицъ* въ Дюнкирхенѣ при испытаніяхъ дальности пушечныхъ выстрѣловъ, подъ зарядъ клалъ пороху въ $\frac{2}{3}$ вѣсу ядра, и полагалъ сіе количество недостаточнымъ для сдѣланія пролома въ укрѣпленіи. Кажется до дѣлаемыхъ опытовъ *Белидороль* въ Лаферъ и Метцъ 1739 года, *Вальероль* въ Стразбургъ и *Бельилель* въ Метцъ (1740), и наконецъ до изобрѣшенія *Робинсовой* шеноріи, и испытаній *Гютона*.

(1775), Графа *Румфорда* (1797) и прочіе, никто не имѣлъ почнаго понятія о дѣйствіи пороховой силы на орудіе и выстрѣливанныя шѣла. Въ слѣдствіи всѣхъ сихъ опытовъ и наблюденій, нынѣ удостоувѣрились, что дальность выстрѣла зависить ошъ соразмѣрности длины орудія, его калибра и ошъ количества и качества пороха въ зарядѣ, который долженъ бытъ споль великъ, чтобы могъ весь сгорѣтъ въ каморѣ орудія, и своею силою дѣйствовать на ядро, пока оно не вылетѣло изъ дула. — Узнали также, что порохъ поспешенно зажигается и долженъ пропиво-дѣйствовать атмосферному воздуху, въ каналѣ орудія находящемуся, и что ядро приходитъ въ движеніе ошъ первоначальной силы воспламененнаго пороха, истоняя оный воздухъ изъ орудія, который служить причиною, что оспальная часть заряда не споль спремительно на него дѣйствуетъ въ послѣдствіи. Наконецъ важныя открытія въ Физикѣ и Математикѣ, подвергнули самый полетъ ядеръ и бомбъ нѣкоему математическому изчисленію, хотя не совершенно почному, но весьма приближенному, и шѣмъ опровергнули доказательства *Тарталія*, *Галилея*, *Торичеллія* и другихъ ученыхъ XVI столѣтія полагавшихъ что воздухъ нисколько не сопротивляется брошенному шѣлу, которое въ полетѣ своемъ описываетъ параболу, зависящую въ своей величинѣ ошъ угла возвышенія, време-

ни полѣпа, силѣ пороха и центральной тяжести. *Невтонъ*, первый утверждая, что сопротивление воздуха увеличивается даже при меньшихъ силахъ, такъ какъ квадрата скоростей брошенныхъ шѣль, доказалъ, что и ядро въ полѣтѣ своемъ, чрезъ дѣйствіе воздуха совращается съ параболическаго пути. Въ чемъ согласенъ *Гюгенъ* и новѣйшіе математика. Генераль *Темпельгафъ* съ большимъ успѣхомъ рѣшилъ сію баллистическую задачу; а въ новѣйшіе времена Генераль *Графъ Ламартильеръ*, издавшій превосходную книгу свою подъ заглавіемъ *Ислѣдованіе Артиллеріи*, предлагаетъ новыя мысли о сей теоріи, весьма любопытныя и заслуживающіе вниманіе и безпристрастной критики. Опредѣленіе силы пороха вообще долгое время не было основательно, хотя *Гервикъ* и другіе убѣждены были въ упругости воздуха; но по открытіи въ Физикѣ газовъ, удостоверившись, что атмосферный воздухъ способствуетъ къ ихъ образованію, не только что находится между зернами, такъ какъ полагалъ *Делагаръ* во Франціи, но и въ сжатомъ состояніи въ самомъ порохѣ, опредѣлена была разширительная сила онаго. *Пристлей* въ 1774 году спарался изслѣдовать естество пороха а важнѣйшія открытія въ Химіи и Физикѣ Лавуазье (1777) и послѣдовавшихъ ему ученыхъ людей, наиболѣе объяснили теорію дѣйствія пороха. Въ слѣдствіи

сего занимались изысканіемъ соразмѣрнаго количества селистры, сѣры и угля, для составленія сильнаго пороха; поспешенно улучшали дѣло-производство онаго, шакъ какъ видно въ сомнѣніи *Ботте Рицо* и Гассенди, умножили пороховые заводы, и доставили ему такую силу, которая намъ извѣсна по дѣйствію нашихъ орудій и подкоповъ.

Для лишья артиллерійскихъ орудій признали приличнѣйшимъ металломъ смѣшенія красной и зеленой мѣди съ оловомъ и шпіауперомъ; или цинкомъ но послѣ многихъ опытовъ, дѣланныхъ съ различными успѣхами во всей почти Европѣ, удостоивѣрились, что смѣшеніе 100 частей красной мѣди съ 10 или 12 частями олова доставляетъ орудіямъ достапочную твердость и тягучесть, чтобы производить многочисленныя выстрѣлы, на дальнія разстоянія поражать непріятеля, разрушать твердыя защиты и выдержатъ силу пороха, который дѣйствуетъ на металл не одной своею расширительною силою, но даже жѣдкою жидкостью, отъ воспламененія его раждающеюся, и растворяющую крѣпкое существо металла.

И наконецъ самый способъ лишья орудій поспешенно измѣнялся, и уже 1623 года старались болѣе облегчить и окоропить орудія. Въ 1679 года во Франціи введены пушки со сферическими каморами. *Готфридъ Гантъ* въ 1700,

предложилъ дѣлать конической формы запаль; а *Келлеръ* въ Касселѣ ввелъ сверленіе орудій, которое нынѣ употребляется во всей Европѣ. *Морицъ* въ 1739 годѣ изобрѣлъ горизонтальной сверлильной станокъ для пушекъ: а въ 1788 году *Форстнеръ* во Франціи улучшилъ его, опъ чего уничтожено лишье орудій на спержень; а начали выливать орудія глухими. Еще несовершенно рѣшено, который изъ сихъ способовъ имѣеть преимущество? пакъ и самое дѣйствіе по роха и теорія длины орудій еще пребують многихъ опытовъ: и между многими книгами мы въ сочиненіяхъ *Монжа*, *Шарнгорста*, *Лалартильера Гассенди* и пр. находимъ различныя предложенія для усовершенствованія нашихъ орудій; и изъ числа важнѣйшихъ открытій должно приписать лишье орудій въ чугунныя опоки, которыя однакъ при всей своей пользѣ, будучи изобрѣтены во Франціи еще во время революціи, нигдѣ неведены въ употребленіе выключая Россіи; гдѣ съ 1808 года, оныя наиболѣе улучшены и послѣ многихъ опытовъ признаны, что имѣють неоспоримыя преимущества предъ прежними глиняными формами. *) Пушки дѣлались съ цилиндрическою пушпою, и уже малыя орудія непливались о двухъ, прехъ и большемъ числѣ каналовъ, пакъ какъ сіе мы можемъ видѣть въ здѣшнемъ и другихъ Арсеналахъ. Длина, вѣсь

*) См. N I и II Невскаго Зришеля, 1821.

и калиберъ въ орудіяхъ, чрезмѣрно вообще увеличенные, преобразовались по предмету дѣйствія артиллеріи, и нынѣ выключая пош, которая употребляется во флотѣ и на корабляхъ, пушки не бывають тяжелѣе 24. фунт. калибра, а мортиры пяти пудъ; между тѣмъ какъ во Франціи еще привязіи Монса, 1691 года, Намюра 1692. и Шарлеруа 1693 спрѣляли изъ 33. фунтовыхъ пушекъ. Орудія получили названіе по вѣсу выспрѣливаемыхъ снарядовъ, а не по метательному уподобію ихъ дѣйствія съ морскими звѣрями или другими предметами, такъ какъ сіе преждѣ дѣлалось, будучи наименованы пиграми, лепучими драконами, аспидами, шлангами, или змѣями, а по легкости фалконетами, или соколиками и проч. Всѣ сіи древнія орудія большею часью были огромны, тяжелы, длинны, на наружности своей имѣли много чеканной работы, спрѣляли ядрами въ 90, 100 фунтовъ и болѣе нынѣ оставлены и хранятся въ Арсеналахъ, единственно памятниками древности. Несоразмѣрности въ составленіи металла и всѣхъ частей орудій, лафетовъ и неудобности въ употребленіи оныхъ, были главными причинами несовершенства древней артиллеріи предъ новѣйшею, и способствовала въ постепенномъ улучшеніи какъ самаго орудія, такъ и снарядовъ и прочихъ принадлежностей, оныя совершенства коихъ много са-

всѣла удобность и искусство дѣйствія. Для лучшаго направленія орудія, въ Варшавѣ 1660 года былъ изобрѣшенъ клинь; *Обенаусъ* въ 1745 году изобрѣлъ Мушку и Шуфлу для удобнѣйшаго направленія и заряжанію ихъ: но вскорѣ Шуфла замѣнена карпузами, для полевой аршиллеріи. Въ 1765 году *Грибоволь* во Франціи облегчилъ и укоротилъ всѣ орудія, перемѣнилъ аршиллерійскія постановленія и изобрѣлъ новыя крѣпостныя лафеты, кои были также предложены Генералами *Монтелабертомъ* и *Менье* и пр. Въ сіе время вообще съ большимъ устройствомъ въ Европѣ коннаго и пѣшаго войскъ, не только что улучшились вещественная часть (le materiel) аршиллеріи; но самое дѣйствіе и движенія ея были опредѣлены правилами и въ особенности полевая, наиболѣе усовершенствованная. Важнѣйшее устройство сего оружія должно приписать *Гольцману*, который въ Пруссіи въ 1740 году облегчилъ полевыя орудія: а въ 1759 году въ семь Государствъ были учреждены во время семилѣтней войны конныя роты, кои посему образцу у Французовъ въ 1791 году заведены: но въ Россіи конная Аршиллерія усроена прежде нежели у Прусаковъ, что служило доказательствомъ письмо Принца *Генриха*, который о семъ упоминаетъ. Вообще блистательные успѣхи въ Аршиллеріи послѣ *Людвика XIV* принадлежатъ царствованію

нію *Фридриха великаго* и послѣдовавшимъ опъ
 времянь *Французской революціи*, важнымъ оп-
 крыпіямъ въ *Физикѣ*, химіи и вообще въ *Матема-
 тическихкихъ наукахъ*, шакже чрезвычайнымъ
 военнымъ происшествіямъ въ *Европѣ*, кои съ
 переворотами въ *политическомъ соспояніи*
Государствъ, преобразовали *рапное искусство*,
 соединили *скорость движенія войскъ* съ дѣй-
 ствіемъ *огнеспрѣльныхъ орудій*, и опдѣлили пре-
 жнюю *систему войны* опъ *новѣйшей*. Обспоя-
 пельства сіи заслуживаюшь *особенное внима-
 ніе*, и описаны во многихъ *новѣйшихъ сочине-
 ніяхъ*.

А. Пушкинѣ.

ИМЕНА ОСОБЪ, БЛАГОВОЛИВШИХЪ ПОДПИСАТЬСЯ НА ПОЛУЧЕНІЕ СЕГО ЖУРНАЛА.

(Продолженіе.)

Въ Кіевѣ.

Его Сіятельство Графъ Сакенъ.

Инженеръ-Поручикъ Тихановъ.

Духовная Академія.

Въ Бердичевѣ.

Михайла Биберъ-Шшейнь-Пильховскій.

Въ Лугѣ.

Его Высокобл. Ф. А. Предсшинъ.

Въ Великихъ Лукахъ.

Генераль-Маіоръ Непейцынъ.

Въ Свенціанахъ.

Великопольскій.

Въ Дубно.

Подполковникъ Барановъ.

Гвардіи Поручикъ Аршаковъ.

5 Класса Неиндгарпъ

Въ Балшѣ.

9 класса Пясецкій.

Въ Дорогобужѣ.

Надворный Совѣшникъ Хлюспинъ.

Въ Ельно.

Маіоръ Лыкошинъ.

Въ Елисаветградѣ.

Арш. Капишанъ Левшинъ.

Въ Ашакахъ.

6 Поншонная рота

Въ Золотоношѣ.

Маіоръ Лукошевичъ.

Въ Измаилѣ.

Полковникъ Жуковъ.

Въ Проскуровѣ.

Командиръ пѣхотнаго Тобольскаго полка Козля-
ниновъ.

Въ Псковѣ.

Коллежскій Ассессоръ Горожанскій.

Въ Каменецъ-Подольскѣ.

Надворный Совѣтникъ Кельхнеръ.

Въ Городкѣ.

Маіоръ Спахіевъ.

Въ Екатеринбургѣ.

Въ Нижнешалалевскѣ Демидово Училище.

Въ Бѣлгородѣ.

Помѣщикъ Поручикъ Бекорюковъ.

Полковникъ Борщовъ.

Въ Елабугѣ.

Купецъ Ковырзинъ.

Въ Калугѣ.

Купецъ Пешръ Гавриловичъ Спрокинъ.

Въ Кошельничѣ.

Его Бл. Л. Куз. Васильевъ.

Въ Глазовѣ.

Купецъ И. Е. Бородинъ.

Въ Сарапулѣ.

Его Бл. М. П. Ивановъ.

. . . . Н. А. Кузьминъ.

Въ Орловѣ.

Купецъ М. Ф. Сченцовъ.

Въ Тифлисѣ.

Колежскій Ассессоръ Майвалдовъ.

Канцелярія Г. Главнокомандующаго.

Въ Кушайсѣ.

Подполков. Згорельскій.

Канцелярія Правителя Имеретіи.

Въ Пепро-Павловскомъ Порпѣ.

Начальникъ Камчатки.

Въ Твери.

Купецъ Жуковъ.

Въ Тамбовѣ.

Его Высокоб. Н. У. Тимофеевъ.

Въ Тулѣ.

Коллежскій Совѣтникъ Тапариновъ.

Въ Посадѣ Гавриловскомъ Влад. Губ.

Прикащикъ Крапивинковъ.

Въ Слабодскомъ.

Его Благородіе С. А. Лунинъ.

Въ Шуѣ.

Подпоручикъ Григорьевъ.

Въ Зміевъ.

Капитанъ Зеленскій.

Въ Бобруйскѣ.

Купецъ Торлицкій.

Въ Климъ-вичахъ села Загустина.

Комишеть Поселенія Елецкаго полку.

Въ Мирополье.

Подпоручикъ Высоцкій.

Въ Кишеневѣ.

Генераль Маіоръ Орловъ.

Област. Прав. Казен. Экономъ Экспедиціи.

Въ Могилевѣ Подольскѣ.

Коллежскій Ассессоръ Кузьминскій.

Арциллерійскій Подполковникъ Енпальцовъ.

Въ Могилевѣ Бѣлорускомъ.

Генераль опъ Инфан. Баронъ Оспенъ-Сакенъ.

Въ Хотинѣ.

Надворный Совѣтникъ Редкинъ.

Въ Ольгополѣ.

Матвѣй Ивановичъ Жуковъ.

Въ Орѣховѣ.

Полковникъ Поздѣевъ.

Въ Ольвіополѣ въ Новопавловскѣ.

Полковникъ Пихельштейнъ.

Въ Опочкѣ.

Его Высокоблагородіе Фаминцинъ.

Поручикъ Бороздинъ.

Въ Торопцѣ.

Подполковникъ Челищевъ.

7 класса Садовниковъ.

Въ Ямполь.

Генераль-Маіоръ Шульманъ.

Въ Минскѣ.

Губернское Правленіе.

Въ Черниговѣ.

Газетная Экспедиція.

Въ Слуцкѣ.

Коллежскій Секретарь Бродовичъ.

Въ Ярославлѣ.

Генераль-Адъютантъ Сипягинъ.

Совѣтъ Демидовскаго вышнихъ наукъ Училища.

Въ Костромѣ.

Капитанъ 2 ранга Макаевъ.

Въ Везьегонскѣ.

Капитанъ Карауловъ.

Въ Нерехтѣ.

Полковникъ В. И. Одинцовъ.

Штабсъ Капитанъ Кобылинъ.

Въ Романовѣ.

Типулярный Совѣтникъ Хомушовъ.

Въ Новой Ладогѣ.

Мѣщанинъ Бѣловъ.

Въ Тихвинѣ.

Поручикъ Унковскій.

Въ Архангельскѣ.

Казенная Палата.

Поршова Таможня.

Въ Вологдѣ.

Его Превосходительство Олешевъ.

Въ Тотьмѣ.

Поручикъ Ивановъ.

Въ Петрозаводскѣ.

Спашскій Совѣтникъ Башинскій.

Въ Шенкурскѣ.

Типулярный Совѣтникъ Молчановъ.

Въ Онегѣ.

Директоръ казеннаго лѣснаго торгоу Шпрау.

Въ Пружанахъ.

Полковникъ Болбековъ.

Въ Динабургѣ.

Подполковникъ Дебуа.

Въ Свенціанахъ.

Полковникъ Смольяниновъ изъ Великихъ Лукъ.

Въ Креславкѣ.

Аршиллеріи Капитанъ Пасеничъ.

Въ Кроншпартѣ.

Благородный клубъ.

